

И Л Ь Я Д В О Р К И Н

День
начинается
утром

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

A

И Л Ь Я Д В О Р К И Н

*День
начинается
утром*

П О В Е С Т Ь

*Издательство
„Детская литература“
Ленинград
1965*

В маленьком южном городе живут мальчишки. Им по одиннадцать. Они до смерти любят нырять и доставать со дна раковины, сидеть на молу, свесив ноги в море, и болтать про свои мальчишечьи дела, смотреть в солнечное небо и дышать чудесным морским воздухом.

И вдруг пришла война. Теперь солнечное небо и море таят угрозу, которая в любую минуту может принести неожиданное, непонятное — смерть.

Но мальчишкам всё равно по одиннадцать, и в груди у них отважные сердца, а в мыслях — отважные помыслы.

Книга Ильи Дворкина «День начинается утром» расскажет вам, ребята, о жизни этих мальчишек в годы войны.

Рис. Л. Павловой

НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Война началась ночью или рано-рано утром. Костик ещё спал. Прибежала соседка и закричала, чтобы включили радио.

Потом все слушали, а бабушка плакала и говорила, что она всё знала наперёд. Потому что позавчера разбилось большое зеркало.

Костик услышал про зеркало и быстро закрыл глаза. Ждал. Но бабушка не стала его ругать. Она ещё раз повторила про зеркало и про несчастье и пошла разжигать примус.

А потом побежали вприпрыжку, поскакали суматошные странные дни. Жизнь сразу изменилась. Раньше Костик думал, что взрослые не умеют плакать. Оказалось, — умеют. Взрослые стали много плакать. Больше, чем дети.

Казалось бы, чего плакать, слушая радио? А они плакали. И просто так плакали. Без радио.

В город откуда-то понаехало много народу. К дому Костика часто подходили люди, просились переночевать. Люди были разные, но чем-то удивительно похожие. Бабушка стелила им на полу.

Они сразу ложились и начинали рассказывать про бомбёжку. И плакали. Костик пробовал поговорить с их ребятами, но они были неразговорчивые. Они сразу засыпали.

Это были беженцы.

* * *

Вдруг дед Костика стал военным. Здёрово! Дед не очень старый, не седой даже. А в пилотке он — как настоящий командир. На петлицах у него рогатки, лиры называются, потому что дед Костика — музыкант.

Он играет на самой большой трубе. На тубе. Когда дед дома, она лежит в углу, свернувшись кольцами, как удав, поблёскивает металлическими боками. Это такая большущая труба, что Костик заползал в неё, когда был совсем маленький.

Теперь дед бывал дома редко. Костик его очень ждал. Дед приносил удивительную кашу в плоском котелке. Вкуснее этой каши Костик ничего не ел. Каша всегда была немножко подгорелая. Дед говорил, что ему разрешают выскрёбывать котёл. Это были поскрёбыши. Очень вкусные поскрёбыши.

Дед как-то особенно, по-военному пахнул. Очень приятно — табаком, кожей, ваксой и ещё чем-то.

Костик надевал его пилотку и шёл на улицу. Пилотка

оттопыривала уши, Костику приходилось придерживать её сзади.

Дед приходил ненадолго, он всегда торопился. Потому что это был военный дед.

Война, война... Это слово слышалось на каждом шагу. Война, война... На улицах, дома, по радио — всюду было это слово. И постепенно оно стало привычным, таким же, как все остальные слова.

Маму Костик видел всё реже и реже. Она работала в госпитале. Приходила — и сразу валилась на кровать. И засыпала. Как беженцы.

Мама раньше была молодая и весёлая. Она даже в футбол играла с Костиком. Соседи только головами качали. А теперь она стала взрослой. Даже бабушка её слушалась.

МОРЕ

Костик жил недалеко от порта, рядом с морским вокзалом. Морской вокзал — это такой светлый дом с башенкой. На башенке мачта с разноцветными морскими флагами. Флаги хлопают и весело трепыхаются на ветру.

Как у всех приморских ребят, вся жизнь Костика, сколько он себя помнил, была связана с морем.

Как-то прошлым летом сидел он на старой деревянной свае. Ловил бычков и зеленух. Солнце уже садилось. По бульвару толпами ходили курортники. Играл духовой оркестр. И не было никакой войны.

А зеленухи клевали как сумасшедшие.

Кто-то сел на парапет прямо над Костиком, и мужской голос сказал:

— Море! Это изумительно! Посмотрите, Симочка, как оно прекрасно! Всегда! В штиль и в бурю. Особенно я обожаю бурю. Это воплощённая поэзия! Одиннадцать ме-

сяцев я тоскую по этим волнам в нашем пыльном Житомире, и только один месяц я с ними! И с вами, Симочка! Вы и море!

Потом они начали целоваться, и стало неинтересно.

Но Костика поразило то, что он услышал. Какие слова! «Во-площённая»! Даже не выговорить!

Он никогда не задумывался — красивое море или нет. Море — оно... море. Как мама, как небо. Что-то такое, без чего нельзя.

По правде говоря, Костик не очень любил шторм. Вода становилась мутной, и рыба не ловилась. Да и купаться было плохо. Как хватит волной о голыши!

Но зато после шторма на берегу попадались разные любопытные штуки: большие стеклянные поплавки, заморские монеты — старые, позеленевшие. А однажды Костик нашёл настоящий морской бинокль. Помятый, с треснутыми стёклами, но настоящий. Наверное, произошло кораблекрушение, и капитан до последнего сжимал бинокль. Всё смотрел, не плывут ли спасатели. Он стоял, широко расставив ноги, в фуражке с квадратным козырьком, как у старого Гургена с лодочной пристани, и смотрел в этот самый бинокль.

Так и ушёл под воду с биноклем в руках. На капитанском мостике.

Вот что выбрасывают волны после шторма.

И Костику стало ужасно жалко этого бедного человека из пыльного Житомира.

Он смотал удочку, влез на парাপет и дёрнул человека за рукав.

Человек испуганно подскочил, а Симочка сказала: «Ой, кто это?» — и спрятала лицо в ладони.

— Ты что, мальчик?! — крикнул человек из Житомира.

— Дяденька, а зачем вы там живёте?

— Где живу?

— В пыльном Житомире?..

— А кто тебе сказал, что он пыльный? — удивился человек.

— Вы!

— Я тебе это говорил?!

— Нет, Симочке, — сказал Костик.

— Ой, он всё знает, — прошептала Симочка.

А человек из Житомира вдруг подскочил к Костику, затопал ногами и заорал:

— Мерзкий мальчишка! Подслушиваешь, да? Подсматриваешь, да?

И дёрнул Костика за ухо.

Мама потом смеялась и говорила:

— Ага, влетело! Не будешь приставать к незнакомым людям.

Костик рассказал про пыльный Житомир своему лучшему другу Толику Чугунову.

Оказалось, что Толик тоже не думал, что есть такие бедняги: живут без моря.

Мальчишки сидели на старом широком кнехте в самом конце пристани и долго молчали.

Смотрели вниз, на воду. Могучие железобетонные сваи обросли черными раковинами — мидиями. На мидиях торчали белые наросты. Вода была прозрачная-прозрачная. Между раковинами шмыгали мелкие крабы и разноцветные рыбёшки — морские собачки.

— А здóрово нам повезло, Костик, — сказал Толька. На том и порешили.

ВРАГ ШУРКА

Кроме одного закадычного друга и множества просто приятелей, у Костика был враг. Враг хитрый и коварный — Шурка, сын сторожихи водолечебницы.

Он был злобный и шепелявый, как змея, с приоткрытым ртом и хроническим насморком.

Но Шурка утверждал, что у всех водолазов насморк. От сырости. А он будет водолазом.

Просто смех! Плавает — хуже не бывает, а уж ныряет — смотреть тошно. И туда же — водолазом!

Водолечебница рядом с домом Костика. Она за высоким забором из чугунных прутьев. Так что Костик и Шурка — соседи, а раз соседи, — значит, часто видятся, а уж если они увидятся, — непременно подерутся.

Начинал всегда Шурка. Чего он только не придумывал!

— Костик, — кричит, — Костик, давай мириться!

Костик удивлённо оглядывается. Шурка стоит у калитки и машет рукой.

— Иди сюда, иди! Ну фто мы всё ссоримся и ссоримся. Мне мамка велела помириться.

Костик медленно подходит и думает:

«А правда, что́ мы цапаемся всё время, как дураки? Ладно уж, помирюсь с ним. Не стоило бы, но помирюсь».

И он протягивает руку. В тот же миг Шурка делает быстрый шаг вперёд, молниеносно отвешивает Костику две звонкие плюхи и захлопывает калитку.

Ошеломлённый Костик видит сквозь на-вернувшиеся слёзы, как Шурка спокойно за-пирает калитку, и слышит его противный шепелявый голос:

— Фто, схлопотал по морде? Заработал? Я тебе ештё не так дам. Иф, мириться захотел!

Костик ревёт от злости, а Шурка прыгает по газону, как сумасшедшая обезьяна, и смеётся.

Но в открытую Костик всегда побеждал.

Просто он был сильнее Шурки. Шурка знал это и потому придумывал всякие хитрые штучки.

Когда же бывал бит, то, размазывая кулаком слёзы и шмыгая носом, начинал ругаться.

Делал он это виртуозно. А Костику становилось жалко его.

Но если Шурка замечал это... О, тогда он от ярости даже шепелявить переставал и снова лез на Костика.

— У, белобрысая воша! — кричал Шурка. — Ты лучше скажи, где твой папочка?

— А твой?

— Мой-то похороненный, а вот где твой? Скажи, скажи!

А что Костик мог сказать? Он и сам не знал.

БОМБЁЖКА

На этот раз они не подрались. Да и не получилось бы: между ними был забор. Они даже не ссорились.

Костик стоял под алычовым деревом и смотрел на залив.

А Шурка учил его нехорошим словам. Слова были такие скверные, такие ужасные, что даже сам Шурка не решался произносить их громко.

Он говорил шёпотом и всё время оглядывался.

А Костик стоял и не знал, что делать. И страшно было, и уходить не хотелось. Он старался не глядеть на Шурку. Смотрел на залив.

Залив был полукруглый. Синий-синий.

Странно, море называется Чёрное, а чёрным не бывает. Синим бывает, зелёным бывает, даже рыжим, а чёрным — никогда.

Вдоль самой воды, по высокой насыпи, проходила железная дорога. Рельсы плавным полукругом повторяли линию берега. Блестели на солнце.

Морю было жарко. Оно лениво-лениво шевелило масляными боками.

А потом из тоннеля выбежал весёлый паровоз с зелёным хвостом вагонов.

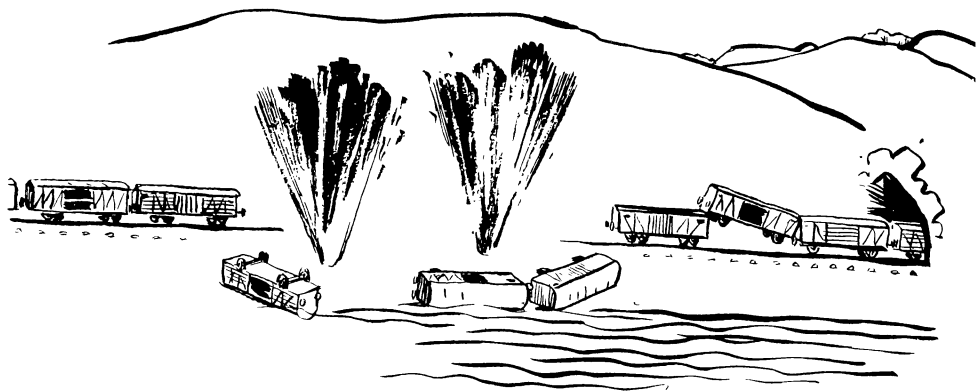
Костику казалось, что паровоз от радости покрикивает...

Дальше всё произошло стремительно и страшно. Из-за верхушек кипарисов, так низко, что из рогатки попасть можно, выскочили самолёты с чёрными крестами на крыльях.

Перед весёлым паровозом выросли чёрные кусты. Потом паровоз споткнулся, вагоны, как игрушечные, поползли друг на друга и покатались в море.

Только после этого Костик услышал грохот.

Он обернулся к Шурке, но того уже не было, а здание водолечебницы как-то странно изменилось.

Костик бросился домой. В доме три входа, Костику надо в средний.

В средний, в средний, в средний...

Издали Костик видел, как в дом вбегают незнакомые люди. «Что им надо? Прячутся, наверное», — успел он подумать, и сейчас же раздался такой грохот, который и сравнить ни с чем нельзя.

Много позже Костик постукал друг о друга два больших стальных бильярдных шара — и получился звук чем-то похожий. Зародыш того звука. Если бы эти шары увеличить в тысячу раз и ударить снова, это был бы звук бомбёжки — оглушительный, звенящий, ужасный звук.

Но тогда Костик ничего этого не подумал. Он просто прижался к старому толстому кедру, оцепенел от страха и закрыл глаза.

А когда открыл их, здания Дворца культуры, белого, недавно выстроенного, не было. На его месте висел купол дыма, и оттуда летели камни.

От удивления Костик вскрикнул и побежал. Но дверь, его дверь, была заперта! Он побежал к соседней — и та закрыта.

Сам не понимая зачем, он побежал вокруг дома. Лишь бы не стоять.

Костик снова увидел водолечебницу и понял, чем она изменилась, — откололся угол, будто его отрубили топором.

А вокруг всё грохотало. Костик снова подбежал к своей двери. Подёргал — заперта, и как заведённый побежал дальше.

Вдруг соседняя дверь отворилась, из неё выскочил дядя Саша Дорошенко. Опираясь на костыль, он сгрёб Костика в охапку и втащил в дом.

— Вот оно, Лизавета, твоё сокровище. Прогуливается, паршивец! — крикнул он.

И Костика обхватили тёплые бабушкины руки. Он за-

рылся лицом куда-то ей в живот, вцепился руками в юбку и всхлипывал, и дрожал.

А бабушка тоже плакала, гладила Костика и говорила какие-то ласковые, непонятные слова.

ЭВАКУАЦИЯ

Когда бомбёжка кончилась, пришла мама.

Костик увидел в окно, как она бежит в белом халате, — наверно, не успела снять. Он выскочил на крыльцо. Мама сразу остановилась, взялась руками за горло и села на поленницу дров.

Она смотрела на Костика и растерянно улыбалась, а из глаз её текли слёзы.

— Ты чего плачешь? — спросил Костик. — Ты ранена?

Мама покачала головой.

— А отчего?

— Оттого, что ты, дурачок, живой и невредимый.

Она схватила Костика, затормошила, больно прижала к себе и не отпускала — будто боялась, что он исчезнет.

— Я чуть не умерла от страха, — рассказывала она бабушке. — Дворец культуры разбомбили и водолечебницу... Я всё думала, пока бежала: хоть бы только ранены были, хоть бы не насовсем.

— Мам, а я всё первый видел. Как поезд побили. Он бежал такой весёлый, а они его — бац! — и в море!

— Да, будет нам работы, — медленно сказала мама. — Уже все коридоры забиты, в саду раненные лежат, а всё несут и несут.

Мама потёрла ладонями лицо.

— Мать твоего дружка принесли.

— Какого дружка? — подскочил Костик.
— Шурки.
— Анну?! Боже мой, несчастье-то какое! — воскликнула бабушка. — А что с ней?
— Плохо с ней, — сказала мама и отвернулась. Лицо у неё стало строгое, даже сердитое.
— Вот что, мои милые, придётся вам эвакуироваться.
— Как это? — испугалась бабушка.
— А так. Уехать. И Шурку возьмёте. Я Анне обещала. Пропадёт мальчишка один. Поедете в деревню. Сегодня. В два часа будет машина. Скажете соседям. Кто хочет, может ехать. Берите только самое нужное. Шофёр мне расскажет, где вы остановитесь. Будет время — приеду. Вот деньги.
И она убежала.

* * *

Весь дом загудел. Бабушка ходила важная и командовала.

— Ты бы ещё кровать потащила и комод! — кричала она соседке Александре Ивановне. — Смотри, совсем не возьму. Оставляю.

Она расхаживала между узлами и покрикивала, пока дядя Саша Дорошенко не сказал:

— Ты вот что, мать-командирша, не расходишь. Придёт машина, — примерим, посмотрим; что не влезет — оставим.

Костик и Шурка сидели на крыльце и молчали. Шурку привела санитарка. У него перевязана голова. Костик ему немного завидовал: раненый ведь! Хотя рана у Шурки чудная: ему вынули из головы большую занозу.

Руку можно занозить, ногу, но чтобы голову!.. Шурка говорил, что и сам не знает, как это случилось.

В грузовике поместились все. Шофёр-абхазец сказал,

что он знает одно место — граждане пальчики оближут. И повёз.

Ехали весело и долго, часа полтора.

Дорога крутилась по горам. Внизу синело море, обведённое неподвижной белой каймой — пеной прибоя.

Потом дорога запетляла по удивительному синему лесу.

Листьев на деревьях почти не было, только на самых концах веток. Зато все деревья обросли, как шерстью, голубым мхом.

— Грабовый лес, — сказал дядя Саша.

Деревня, куда их привёз шофёр, была совсем крохотная — домов десять. Она лепилась по склону горы, вся заросшая высоченной кукурузой.

Жители сбежались глазеть на приезжих. Они кричали все разом по-грузински, и шофёр тоже кричал.

Костику показалось, что мужчины сейчас выхватят кинжалы и прикончат непрошенных гостей.

Но они вдруг заулыбались, двое подхватили Шурку под руки, будто он собирался падать в обморок, и повели всех по тропинке.

Дом, куда их привели, был самый большой в деревне, но в нём никто не жил, он стоял заколоченный. «Выморочный дом», — сказала бабушка.

Непонятное слово «выморочный» показалось Костику мрачным и страшноватым. Чужой дом сразу стал уютным.

Отодрали доски с двери, с окон и вошли. Внутри всё скрипело, пахло мышами, но места было много.

— Живите сколько хотите, — сказал седой старик.

Стали устраиваться.

Постель соорудили из кукурузных стеблей, накрыли матрасами.

Это был удивительный, небывалый день. Сколько всякого произошло!

Ещё утром войну знали только понаслышке. А она вот такая — бац! бац! — и выгнала из дому. Трах! Трах! — и оставила Шурку без мамы. Бемс! — и лежишь где-то в горах, в чужом выморочном доме, а сквозь дырявую крышу заглядывают звёзды.

«Значит, мы теперь тоже беженцы», — подумал Костик и уснул.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МУЖИК

Жизнь в деревне была скучная.

— Тоже мне, жизнь, — говорил Шурка. — Посадил кукурузу — и жди, когда вырастет.

— А пока ешь мамалыгу да играй на зурне, — подхватывал Костик.

— Бомбёжки они не нюхали, — презрительно говорил Шурка и сплёвывал сквозь зубы.

Удивительно! Они ни разу не подрались. Даже не хотелось. А Шурка оказался неплохим парнем и совсем не шепелявым.

С первого дня они стали наводить свои порядки в деревушке.

Им не понравилось, что симпатичных ласковых телят привязывают к дереву, а бедным телятам так хочется побегать! Они натягивают верёвки и могут задохнуться.

Отвязали.

Телята гурьбой, взбрыкивая, побежали по склону вниз, а Шурка и Костик — за ними.

Костик с разбегу толкнул одного, оба упали и покатились кубарем.

Шурка вскочил верхом на самого большого телёнка, но тому это не понравилось. Телёнок запрыгал, как на пружинках, отрывая от земли сразу четыре ноги.

Шурка испуганно взмахивал руками, стараясь удержаться, но не удержался и свалился в густые заросли ежевики.

Он так засел в колючках, что пришлось выстригать его большими овечьими ножницами и опять вынимать занозы из самых неожиданных мест.

К бабушке пришёл одноглазый Мелашвили и стал жаловаться:

— Слюшай! Зачем такое делать? Зачем тёлку гонять? Виноград портил — раз, кукуруза портил — два, еле поймал — три, сам в колючка влез — пять.

— Четыре, — поправил Костик.

— Да, ничего себе четыре, хорошенькое четыре!

Он, видно, вспомнил, как всей деревней вытаскивали Шуркины занозы, и захохотал.

Когда он ушёл, Шурка сказал:

— Надо этого лисьего сына отучить ябедничать, да и насмеяться тоже.

Дело в том, что «мела» — по-грузински — лиса, «швили» — сын.

Мелашвили был действительно похож на хитрого лиса. Нос у него был остренький, и он им всё время поводил, будто вынюхивал что-то.

* * *

Горы запестрели жёлтыми и красными пятнами. Под ногами всюду валялись кленовые листья. Как розовые ладони.

Дожди ещё не начались. Октябрь стоял сухой и тёплый.

На шестой день их жизни в эвакуации приехал дед. Это было до того неожиданно, что Костик глазам своим не поверил.

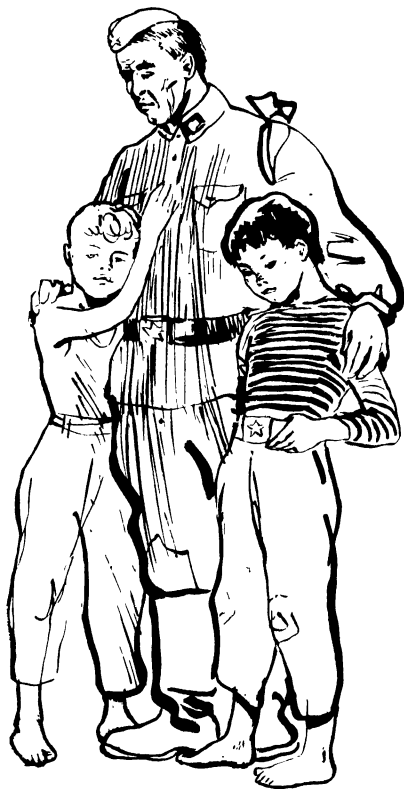
Дед что-то говорил бабушке, гладил её по плечу, а она плакала. Костик завизжал, кинулся и повис у него на шее.

Это был удивительный дед! Даже здесь, в этой махонькой деревушке, у него оказались знакомые. Где только у него не было знакомых! Музыкантов приглашали на все праздники, а ещё чаще, как говорил дед, «жмурика провожать», то есть на похороны.

А теперь дед уходил на фронт. Он приехал на часок, проститься. Бабушка плакала, а он говорил:

— Не плачь, старая, ну чего ты боишься? Я им как покажу свою дудку, так они со страху и поумирают.

Пришли мужчины, принесли виноградную водку — чачу — в большой зелёной бутылке, заткнутой очищенным кукурузным початком. Пили за здоровье деда, за победу над врагами.

Перед отъездом дед сказал Костику:

— Ты теперь единственный мужик в семье — не подкачай.

Он обнял Шурку и Костика за плечи:

— Ну, ребята, я на вас очень надеюсь. Женщины — народ слабый. Их защищать надо. Вы уж меня не подведите. — Дед помолчал. — А фриц-то прёт и прёт, проклятый. . . Спрятались вы неважно. Тут гидростанция рядом; если они пронюхают, обязательно бомбить станут.

И дед уехал.

Костик долго сидел один в кустах самшита и думал.

Он хотел бы быть таким, как дед. Спокойным и весёлым. Дед никогда не кричал. Даже когда приходил навеселе и бабушка ругала его:

— Вражья морда! Бесстыжий человек! Чтоб ты утонул в том вине!

Он улыбался и говорил:

— А ты моя голубка!

Дед всему научил Костика. И рыбу ловить, и гвоздь забить, и лодку покрасить.

Костик вспомнил про лодку, и перед глазами встал их дом, порт и море, и так нестерпимо захотелось всё это увидеть, что он вскочил, готовый бежать туда скорей.

На крыльце сидел печальный Шурка, глаза у него были подозрительно красные.

— Ты ревел, Шурка? — спросил Костик.

— Иди-ка ты, — окрысился Шурка. — Торчи тут с вами, а у меня мамка в госпитале. Я вас просил меня сюда привозить? Просил, да?

Он вскочил, и Костик понял, что они подерутся.

Но сейчас он даже обрадовался Шуркиному крику.

— Погоди, Шурка. Я тоже домой хочу, жутко хочу. Давай вместе бабушку уговаривать.

В ДРЕВНЕЙ КРЕПОСТИ

Бабушка рассказала соседям про гидростанцию. Соседи обрадовались, что можно уехать. Нашлась причина! Только Александра Ивановна осталась. Ей здесь нравилось, она козу купила.

— На сборы один день, — сказал дядя Саша Дорошенко и потёр руки.

Костик и Шурка от сборов решили увильнуть. Они ещё с первого дня собирались сходить в древнюю крепость. Крепость стояла на верхушке соседней горы, круглая, как пирог.

Спать легли на веранде. Там лучше слышно петухов. Как заорут — сразу проснёшься.

Встали спозаранку, в доме все ещё спали. Осторожно ступая по скрипучим половицам, пробрались на кухню. Отрезали два куса кукурузной лепёшки — чурека; завернули в чистую тряпочку кусок сыру сулгуни.

На дворе было прохладно. Белёсый туман скрывал верхушку горы и крепость. Жидкими клочьями плавал между деревьями. Листья были мокрые и от этого глянце-витые, будто покрытые лаком.

Шурка отвалил короткий, иссечённый топором чурбак, лежащий у крыльца, и вынул из-под него обломок косы. Вид у косы был довольно жуткий — тонкое сточенное лезвие хищно изгибалось, щерилось мелкими зазубринами. Ручкой служил грубый кусок дерева — тёмный и лоснящийся. Жена Мелашвили колола этой косой щепки для тагана. У Шурки глаза загорелись, когда он увидел эту штуку.

— Возьмём? — прошептал он Костику. Тот кивнул. И взяли. И положили под чурбак.

Потом Костик слышал, как одноглазый Мелашвили ходил по двору и бормотал:

— Всё, понимаешь, девается. Всё пропадает. Ло-

шадь — фьюить! Это — фьюить! — он тоненько присвистывал и загибал пальцы.

Костик слышал, что за неделю до их приезда у Мелашвили пропала одна из двух лошадей. Он очень её жалел.

* * *

Сразу за деревней узенькая тропинка почти исчезла. Крепость по-прежнему мелькала иногда в просветах деревьев и казалась совсем рядом. Но шли они уже долго, а крепость и не собиралась приближаться.

— Заколдованная какая-то, — сказал Шурка.

Потом мальчишки перестали смотреть на гору. Просто шли себе и шли. От птичьего гомона лес звенел. Пласты солнечного света прорубали светлые просеки. То тут, то там багровели осенние листья.

Крепость появилась неожиданно. Поднялась высокими серыми стенами, сложенными из круглых гладких валунов. Уставилась рваными тёмными проломами. Она стояла мрачная, грузная и таинственная. Бока валунов замшели. Мальчишки невольно стали говорить шёпотом.

— Вот это да, — протянул Шурка. — Как же они сюда эти камни затаскивали? .. Костик пожал плечами.

Казалось, что толстые стены выросли прямо из горы. И люди здесь ни при чём.

Через пролом пробрались внутрь. Круглая утрамбованная площадка поросла густой

травой. Друг против друга зияли четыре низких сводчатых входа.

Мальчишки направились к самому ближнему. В большом помещении было сухо и прохладно. На песчаном полу темнел след от костра. Рядом лежало несколько обглоданных костей.

Мальчишки переглянулись. Было жутковато.

Костик присел на корточки и тронул ладонью пепел. Пепел был тёплый.

Шурка что-то разглядывал. Костик всмотрелся и в полумраке увидел узкий длинный ящик, прислонённый к стене.

Ребята подошли ближе. Ящик был накрепко заколочен. Шурка попробовал обломком косы отодрать доску, но ничего не вышло. Обломок выскользнул и воткнулся в песок.

Ящик был такой тяжёлый, что Костик, напрягаясь изо всех сил, еле пошевелил его. Ящик качнулся, Костик не удержал его, и ящик с глухим стуком упал, накрыв Шуркино оружие.

Тотчас раздался какой-то шорох и громкий протяжный стон. Мальчишки оцепенели. Даже в полутьме Костик увидел, как побелел Шурка. Веснушки резко темнели на его щеках.

Подождали. Снова послышался шорох, потом глубокий вздох. Только сейчас Костик заметил круглый лаз в углу. Правильной формы отверстие мерцало жидким, чуть заметным светом.

Медленно-медленно, неслышно ступая босыми ногами по песку, Костик и Шурка пошли к лазу. Взявшись за руки, они одновременно просунули головы в отверстие.

Перед ними была небольшая продолговатая комната. Из узкой дыры в потолке падал столб света.

Костик почувствовал, как Шуркина рука сжала его ладонь, впилаясь ногтями.

Совсем рядом лежал человек. Голова его была укрыта ватником. Ноги в солдатских кирзовых сапогах и защитных брюках наполовину зарылись в подстилку из сухих листьев. Рядом лежало охотничье ружьё. Двустволка. Человек спал.

Костику показалось, что сердце стучит очень громко, на всю комнату.

Вдруг человек пошевелился, протяжно вздохнул. Из-под ватника высунулась тёмная большая рука. На ней было только три пальца. Указательного и среднего не хватало. Рука почесала колено и снова спряталась под ватник.

Человек повернулся набок, спиной к мальчишкам, потянул за собой ватник.

Из-под ватника показался странный пистолет с длинным и широким стволом. Пистолет лежал, чуть зарывшись рукоятку в листья, уставясь прямо в лицо мальчишкам круглым таинственным глазом. Дуло его было шире, чем у охотничьего ружья. Рядом лежали два толстых картонных патрона.

Мальчишки глядели оцепенев, не в силах отвести глаз.

Вдруг Костик вспомнил. Точно такую штуку он видел

перед самым началом войны. Был праздник — Первое мая; вечером на всех кораблях, катерах, буксирах зажгли разноцветные лампочки. Весёлая говорливая толпа запрудила мол.

Костик смотрел на воду — бухту вдоль и поперёк пересекали дрожащие цветные дорожки. Неожиданно рядом что-то хлопнуло, зашипело, и в небо взвилась зелёная ракета.

Костик оглянулся и увидел высокого моряка. В руках он держал большущий, похожий на старинный, пистолет с длинным и широким дулом.

Точно такой, как этот, только чуть потемнее.

— Ракетница, — прошептал Костик и повернулся к Шурке.

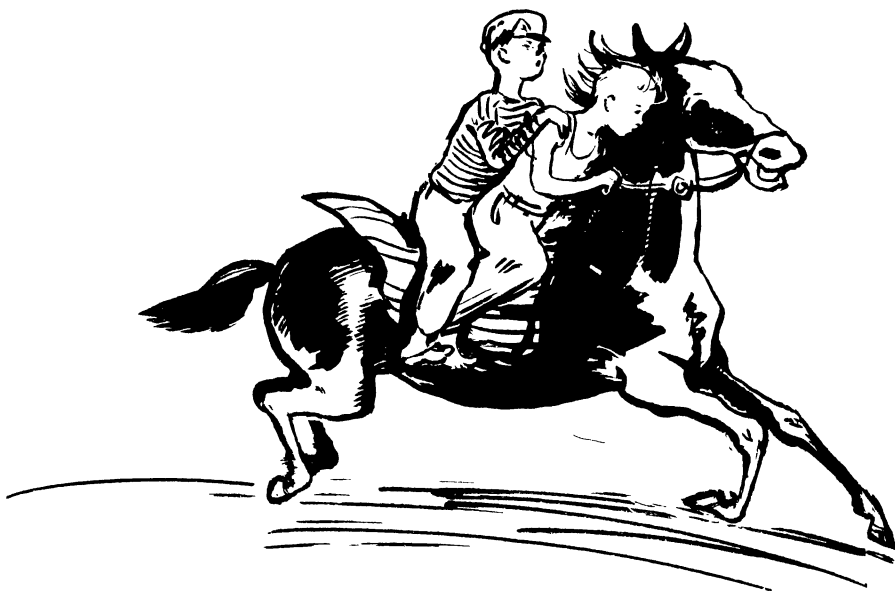
Шурка кивнул, приложил палец к губам. Потом быстро взглянул на Костика потемневшими, какими-то шальными глазами и вдруг ящерицей скользнул в отверстие, только пятки мелькнули.

Всё произошло мгновенно. Костик не успел даже испугаться, как в дыре снова появились Шуркины ноги. Костик вцепился в них, потянул изо всех сил. Шурка выскочил из лаза как пробка, проехал на животе по песчаному полу и вскочил, держа в руках ракетницу и патроны. В два прыжка мальчишки очутились у выхода. Солнце ослепило их. Не сговариваясь, они бросились бежать. Через какой-то пролом вылезли с противоположной стороны крепости. У бугристой стены они увидели лошадь с полосатым одеялом, сложенным вчетверо, вместо седла. Лошадь была привязана к дереву.

Большими грустными глазами смотрела она на подходивших мальчишек.

— Гляди, — сказал Шурка и дотронулся пальцем до ноги лошади.

Костик увидел тёмное выжженное тавро. Круг стремя волнистыми линиями посередине. Точно такой же, как у второй лошади Мелашвили.

— Это его лошадь, лисьего сына, понимаешь? — сказал Шурка.

— Да. А тот, — Костик показал на крепость, — вор. Это он её украл. Может быть, и похуже, чем вор. Зачем ему ракетница?

Костик решительно подошёл и отвязал повод. Лошадь переступила тонкими ногами, ткнулась ему в руку мягкими бархатистыми губами.

— Подсади, — сказал Костик.

Шурка согнулся, подставил спину. Костик взобрался на лошадь, подал Шурке руку. Тот уселся сзади, обнял его, и Костик дёрнул повод.

Лошадь опустила голову и уверенно побежала вниз.

* * *

Мелашвили ликовал. Он исцарапал своей колючей бородой щёки Костику и Шурке — целовал их. Что-то быстро

и ласково говорил. Путал грузинские и русские слова. Поймал петуха, отрубил ему голову. Жена приготовила чахохбили. Шурка и Костик сидели во главе стола гордые и важные. И слушали, как их хвалят.

Все ругали вора. Оказалось, что у многих в последний месяц пропадали то куры, то индюки. А у одного исчез баран.

Костик и Шурка жадно прислушивались к этим разговорам.

Им нравилось, что все говорили о воре. Очень уж им хотелось, чтобы этот человек был просто вор.

Ракетница не давала мальчишкам покоя. Они ни словечком не обмолвились о ней, потому что знали: отберут. Взрослые такой народ — отберут и не поморщатся. А расстаться с такой штуковиной было выше их сил.

Но все-таки ребята чувствовали: что-то тут неладно. Зачем вору ракетница?

Может быть, они и рассказали бы о ней в конце концов, но все так дружно называли этого человека вором, столько приводили этому доказательств, так ругали его, что Костик и Шурка посомневались втихомолку и поверили.

Действительно, если он вор, то почему он и ракетницу не мог где-нибудь утащить? Просто так. Потому что плохо лежала. На то он и вор.

— А мы? Мы ведь её тоже стащили, — сказал Костик.

— Что мы?! Что мы?! — загорячился Шурка. — Эх ты! Выходит, и лошадь надо было ему оставить? «Стащили»! Сравнил тоже. Мы не стащили, а отобрали. Это совсем другое дело. Если хозяин найдётся, отдадим. Он же её спёр у кого-то!

Ох, этот Шурка! Кого хочешь уговорит. Костик подумал, что у них-то ракетницу не сопрут. Дудки! Они её так запрятут, что никакой вор не найдёт.

Забившись в густые самшитовые заросли, они с восхищением разглядывали её, поглаживали, целились в воображаемого врага. В ракетнице оказался ещё один патрон. С красной каёмкой внизу. Два — с зелёной, один — с красной.

Это было настоящее оружие! Сжимая в руках тяжёлую рубчатую рукоятку, Костик чувствовал себя сильным и непобедимым.

— Пусть только сунутся, — бормотал он.

— Встретить бы того гада, который мамку ранил, — сказал Шурка.

— погоди, вот собьют какого-нибудь фрица, может, и встретим, — ответил Костик и подумал, что теперь дед может быть спокоен: они с Шуркой не подкачают.

* * *

На другой день в горы отправилась карательная экспедиция во главе с милиционером, которого привезли из города. Но беспалого и след простыл. Этого и надо было ожидать. Что ж он, дурак — дожидаться? Ящик тоже пропал.

Мелашвили показывал всем обломок своей косы и кричал:

— Как туда попал? А? Знаешь? Не знаешь! Со двора спёр. Зарезать мог. У, бандит!

Мальчишки помалкивали.

СНОВА ДОМА

Уезжали не так торжественно, как приехали.

Ехали на двух арбах. А в упряжке буйволы. Арбы непрерывно и дико скрипели и ползли как черепахи.

Но Костик был счастлив: с каждым шагом неторопливых буйволов приближался дом.

Ехали бесконечно долго. Костик с Шуркой убегали вперёд, успевали забраться на гору, спуститься, набегаться, устать, а протяжный скрип и не думал приближаться.

Несколько раз они купались в горных речках. Впрочем, «купались» — не то слово. Вода была ледяная. Можно было только окунуться на один-единственный коротенький миг. Сразу останавливалось дыхание, глаза испуганно вытаращивались, а ноги сами выносили на берег, на тёплые голыши. Тело начинало гореть, как ошпаренное, и вздувались здоровенные пупырышки. Как на огурцах.

— Ну и в-водичка, — говорил Шурка, клацая зубами, — как только в ней р-р-рыбы живут!

Вода была неправдоподобно прозрачная.

Дно устлано чисто промытыми хрусткими голышами. А в тени, головой против течения, висели пятнистые рыбы — форели. Круглые, как веретено. Даже на глаз — крепкие и упругие.

— Вот бы сюда нашего бычка или барабульку — сразу бы замёрзли. Привыкли, неженки, к тёплой водичке, к Чёрному морю, — говорил Шурка.

* * *

К дому подъехали уже в сумерки. В окне горел свет. Костик вбежал в комнату и увидел военного, сидящего к нему спиной.

«Кто это?» — подумал Костик.

Военный обернулся. Керосиновая лампа мигала и коптила.

— Мама?! — шёпотом удивился Костик.

— Сынуля! — Мама схватила Костика на руки, закружилась с ним по комнате. — Какие вы молодцы, что приехали! Какие вы умницы!

Костик глядел на неё и не узнавал. Мама коротко постриглась. В гимнастёрке с широким ремнём. На петлицах два кубика — лейтенант.

Шурка тихонько топтался в углу. На него тяжело было смотреть.

Бабушка с Мелашвили втаскивали узлы.

В комнате всё было разворочено. На полу лежали какие-то тряпки. Шкаф раскрыт, ящики выдвинуты. Постель перевёрнута. Бабушка огляделась.

— Батюшки, что это ты наделала? Ералаш-то какой!

Мама посмотрела вокруг и засмеялась.

— Я вам самого интересного не сказала: нас обокрали.

Бабушка как стояла — так и села на стул.

— И много? Много украли?

— А всё, что могли! — ответила мама. — Только какие-то воры дураки попались. Брали всякую дрянь. Платья мои, пальто, всякий хлам. Даже швейную машинку хотели утащить, да, видно, показалась тяжёлой — под окнами бросили. А самое ценное — книги — не взяли. Ведь у нас такие книжки есть! Редкостные! А эти чудаки наволочки хватали. Смех, да и только! — мама снова засмеялась.

— Тебе бы только хохотать, а как мы теперь без наволочек спать будем? — Бабушка сердито заглядывала в ящики шкафа и с грохотом захлопывала их.

— Переживём. Они не всё украли. — Мама махнула рукой.

Она подкрутила лампу, сделала свет поярче.

— Славно, что вы приехали. Я собиралась завтра к вам в гости. Из нашего госпиталя скомплектовали медсанбат. Я скоро буду генералом.

Мама засмеялась и подошла к Шурке. Лицо у неё сразу посерьёзнело.

— Ты, Шурик, не переживай. Твоей маме лучше. Завтра увидишься с ней. Теперь всё будет в порядке. Но

ей придётся несколько месяцев полежать в госпитале. Поживёшь пока с нами.

Она взъерошила ему волосы и повернула за плечи.

— А теперь слушай мою команду: ать, два! Кругом! Приказываю спать. Всем. Завтра поговорим. Утро вечера мудренее.

Мелашвили — лисий сын — тоже остался ночевать.

ТОЛЬКА ИДЁТ ПО СЛЕДУ

Прошло пять месяцев. Медсанбат перевели ближе к фронту. Шуркину маму эвакуировали. Стали жить втроём. Без мам.

К бомбёжкам немного привыкли, научились прятаться. В порту на каждом шагу стояли зенитки, и немцы теперь не летали так нахально. А с большой высоты не очень-то попадёшь.

Костик начал было собирать осколки бомб, да бросил. Их было столько — на каждом шагу, — что пропал всякий интерес.

Жизнь стала трудная. Всё время хотелось есть. Хлеб выдавали по карточкам — кукурузный, невкусный, но и его не хватало.

В основном, ели рыбу. Костик и Шурка ловили. Но её не на чем было жарить. Ели варёную, почти без соли, потому что соли тоже не хватало.

Весна была в разгаре. Зацвели олеандры — розовые, белые.

Учились теперь в новой школе, у самой горы Чернявского. Прежнюю разбомбили. В классах было тесно. Сидели по три человека за партой. Костик, Толик и Шурка расположились на «камчатке». Занятия в школе бывали не каждый день. За пять месяцев в классе

сменилось четыре учителя. Как будто учителя играли в чехарду.

Толику не давала покоя история с ракетницей. Он завидовал Костику и Шурке тихой, безнадёжной завистью. Он просто отчаивался, когда они вспоминали крепость и всё, что там вышло. Лицо у Толика становилось обиженным и печальным. Будто кто-то виноват, что его не было тогда в горах.

Костик и Шурка совсем перестали при нём говорить о крепости. Им жалко было глядеть на Тольку, очень уж он переживал.

Но ракетница, ракетница! Её-то не спрячешь.

Толька стал мрачным и подозрительным. Ему всюду мерещились шпионы. Он был уверен, что тот тип, у которого спёрли ракетницу, — враг и лазутчик. А если Толька в чём-нибудь уверен, — тут уж его не разубедишь. Хоть кол на голове теши.

* * *

В тот день Толька запропастился куда-то с самого утра.

Костик и Шурка выплавляли свинец из пуль.

У самого их дома рос громадный кедр. Шурка сидел, прислонясь к нему спиной, на краю круглой глубокой лужи — только что прошёл мгновенный южный ливень.

Шурка смотрел, как Костик раздувает огонь под консервной банкой с пулями. Банка стояла на двух кирпичах и была полна до краёв.

Пули поблёскивали маслянистыми жёлтыми боками — пистолетные, автоматные, винтовочные, некоторые с разноцветными головками — трассирующие. Среди пуль лежало что-то не совсем понятное — то ли здоровенная пуля, то ли маленький снарядик с рыжим медным пояском внизу.

Свинец нужен был для грузил. У хорошей закидушки грузило должно быть тяжёлое, большое, иначе далеко не забросишь. Мальчишки не первый раз уже плавил пули. Свинец выливали в форму из газеты. Форму засовывали в песок, чтобы не сгорала.

Костик положил в огонь две сухих кедровых шишки и дул, наливаясь кровью от натуги. Он почти лёг на землю.

— Дай-ка я подую, — сказал Шурка.

И вдруг грохнуло.

Грохнуло так, что Костик вжался щекой в песок и зажмурился. Он услышал, как над головой у него что-то свистнуло и шмякнулось в стену.

Костик быстро взглянул на Шурку и успел заметить, как консервная банка крутнулась в воздухе, веером рассыпая нерасплавившиеся пули, и угодила закопчённым горячим дном прямо Шурке в лоб.

Шурка уставился на Костика выпученными глазами, посидел немного не шевелясь и неторопливо повалился в лужу.

Он лежал в ней на боку, и на лбу его наливалась синевой полукруглая ссадина. Как подкова.

Костик медленно, будто во сне, подошёл к Шурке, потянул его за рукав, прислонил к кедру.

— Т-т-ты живой, Шурка? — спросил он.

— Живой, кажется.

Шурка помотал головой, осторожно потрогал её.

— А чего ж ты упал? — спросил Костик.

— Не знаю. Я думал, убило меня. — прошептал Шурка.

Он снова потрогал голову таким жестом, будто это что-то хрупкое и непрочное.

И вдруг Шурка захохотал.

Это было не очень-то приятное зрелище — глаза у человека перепуганные, а сам хохочет.

Костик неуверенно хихикнул и тоже стал смеяться.

Ему совсем не хотелось смеяться, но он никак не мог остановиться и хохотал во всё горло, прямо-таки корчился от смеха.

— А в лужу-то... в лужу... нырнул... — захлёбываясь, проговорил Костик. И они снова зашлись от смеха.

Потом вдруг умолкли. Так же неожиданно, как начали смеяться. И посмотрели на стену.

В стене торчали две пули, глубоко вдавленные в штукатурку.

Мальчишки подошли, осторожно потрогали их и переглянулись.

— Да... — протянул Шурка, — а если бы...

Он не кончил. И так всё было понятно. У Костика мурашки по спине забегали. А если бы он чуть-чуть выше поднял голову? Бррр... Жуть.

Война, настоящая война, там, где фронт, представлялась ему большим полем, чем-то вроде пустыря или футбольного поля. По полю ходят танки, бегают солдаты, кричат «ура» и стреляют. Солдатам на фронте интересно. И весело.

И вот теперь, глядя на стену, он впервые понял, что на войне у б и в а ю т. Конечно, он и раньше знал об этом. Как же не знать! Но это проходило как-то стороной, мимо него.

А тут он п о н я л.

И ему стало страшно.

Он вдруг подумал, что мама и дед могут не вернуться оттуда, где стреляют.

Эта ужасная мысль так захватила Костика, что он не сразу заметил, как появился Толик.

Тот дёрнул его за рукав, и только тогда Костик пришёл в себя.

Толик был красный, возбуждённый. Он размахивал руками и что-то говорил, говорил быстро и непонятно. Он даже не обратил внимания на Шуркин лоб.

— Да погоди ты, не тараторь. Объясни толком, — остановил его Шурка.

Толик умолк, похватал ртом воздух, как рыба, и закричал:

— Вы тут сидите, ничего не знаете, а по городу шпион разгуливает. Я его застукал.

— Кого «его»? — спросил Костик.

— Однорукого. Он сейчас у Турецкой стены торчит. Всё высматривает. Я за ним уже два дня слежу.

— Так тот же был с руками. Без пальцев только, — сказал Костик.

— А что он делает? — спросил Шурка.

— Как что? Высматривает. Что ему ещё делать, если он шпион?! А что безрукий, так не только вы шпионов встречаете. Это другой, наверное. Он сейчас рисует что-то, — ревниво ответил Толик.

— Ну да, рисует? А что ж народ смотрит?! — опешил Шурка.

— А там нет никого. Если б не я, никто бы и не знал.

Мальчишки переглянулись и, не сговариваясь, побежали в порт.

* * *

Турецкая стена очень древняя. Сложена она из больших круглых булыжников. Местами стена обвалилась — просто лежит кучей камня. Но там, где она уцелела, видны две башенки и узкие окна — бойницы.

Стена спускается к морю, основание её обросло зелёной бородой водорослей, а чуть повыше в серую потрескавшуюся поверхность вкраплены яркие оранжевые точки — это старинные пушечные ядра, проржавевшие почти насквозь.

Наверху буйно разрослась ежевика. Толстые колючие плети переплелись в немыслимые узлы, и, не зная дороги, в этих зарослях не пройдёшь ни шагу.

Только уверенно скользнул в самую гущу колючек, присел и быстро пошёл на четвереньках по чуть заметной тропе. Костик и Шурка полезли за ним. Гибкие плети свились над головой в сплошной плотный свод. Внизу было посвободнее, из коричневой потрескавшейся земли торчали корявые узловатые стволы в руку толщиной. Неожиданно в зелёный полумрак хлынуло солнце, и мальчишки выбрались на голую каменистую площадку у края стены.

Только лёг на живот, жестом велел сделать то же Костiku и Шурке.

Втроём осторожно заглянули вниз.

Прямо под ними по колено в воде стоял человек в закатанных штанах и что-то рисовал.

Левый рукав его, плоский и пустой, был засунут в карман.

Через шею перекинут ремешок военного планшета, планшет упирался в живот, и на нём лежал лист бумаги.

Человек что-то мурлыкал себе под нос и изредка окидывал стену цепким взглядом.

Что он рисовал, мальчишки разглядеть не могли.

Каждый раз, когда он поднимал глаза, мальчишки проворно убирали головы.

Потом человек спрятал бумагу в планшет и пошлёпал по воде в сторону пристани.

— Видали?! — торжествующе воскликнул Толька.

— Надо узнать, где он живёт, — сказал Шурка. — Бежим к пристани!

Тем же путём ребята выбрались из кустов. По дороге Костик чуть-чуть приподнялся, и тотчас в спину ему вцепились колючки. Он дёрнулся, вырвал клоч рубахи и выскочил вслед за друзьями. Спина болела.

— Ага, царапнулся! А помнишь, как надо мной потешался вместе с лисьим сыном? — ехидно сказал Шурка.

* * *

Когда мальчишки прибежали на бульвар, человек с планшетом уже обулся и неторопливо шёл по аллее.

Пригибаясь, шикая друг на друга, прячась за деревьями, ребята двинулись за ним.

Человек подошёл к зелёной скамейке. На ней сидел толстенный дядька в соломенной шляпе и читал газету.

Толстяк уставился на пустой рукав человека. Потом, не отводя пристального взгляда, медленно сложил газету в узкую полоску, положил её на скамью и встал.

Человек с планшетом стоял рядом со скамьёй, глядел на море и не обращал на толстяка никакого внимания.

Толстяк секунду потоптался на месте, потом быстро пошёл по аллее и исчез.

Человек с планшетом сел на скамью и взял газету.

Он ни капельки не торопился. Шуршал газетой. Посматривал на море. Чему-то улыбался. Закурил.

Со стороны можно было подумать, что он просто отдыхает, а не шпионит.

— Эх, толстяка упустили! — прошептал Толька. — Видали, как он газету передал? А этот-то, глядите, читает и хмурится. Недоволен. Видно, толстяк мало высмотрел.

— Ловко у них получилось, — ответил Костик.

— Это они думают, что ловко. Думают, всех обдурили. А не знают, гады, что им теперь крышка, — сказал Толик.

Человек читал долго, потом неторопливо бродил по городу. Зашёл в магазин, купил какую-то книжку. А три тени всюду следовали за ним.

Шпион жил на улице Ленина в небольшом двухэтажном доме.

Мальчишки видели, как он вошёл в подъезд. Поздоровался с какой-то старухой на крыльце. Потом в крайнем окне появилась его тень на занавеске.

— Теперь всё. Не уйдёт, — сказал Шурка.

— Надо идти в милицию, — сказал Костик.

— Ты что, с ума сошёл! — Толька даже подскочил от возмущения. — Это как же? Мы про него всё узнали, высмотрели, где он живёт, а теперь милиции отдавать — нате вам шпиона, приходите на готовенькое. Ну уж дудки! Они нас даже не возьмут с собой, скажут, маленькие. Мы его сами поймаем. И в милицию сами приведём.

— А как?

— А так. Слушайте.

Оказывается, Толька уже всё придумал. План был простой.

Толька предлагал взять у дяди Саши Дорошенко кусок старой сети, прийти к дому шпиона и ждать. Как только он выйдет, набросить на него сеть, закрутить, замотать в неё и орать что есть мочи. На улице Ленина всегда много народу, помогут. А если шпион вырвется, стрелять в него из ракетницы.

Придумано было здорово, не подкопаешься.

— Завтра после школы идём к дяде Саше. Он как раз с работы придёт. Скажем: хотим бредень делать, — сказал Костик.

— Зачем завтра, пошли сейчас! — Толька пританцовывал от нетерпения.

— Он уже спит. Ты, Толька, не торопись, а то дядя Саша спросонья злой, может не дать, тогда всё сорвётся, — сказал Шурка.

Толька повздыхал, поворчал и согласился.

— Ладно. Решено. Завтра после школы. Пусть одну ночь поспит ещё фашист, — сказал он и хищно улыбнулся.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ И ГОРОД ДИОСКУРИЯ

А завтра было вот что.

Только, Костик и Шурка сидели на своей парте и шёпотом обсуждали, как они изловят сегодня опасного шпиона.

Прозвенел звонок. Дверь отворилась и... в класс вошёл шпион с классным журналом под мышкой.

Это было так неожиданно, так поразительно, что трое друзей застыли посреди класса, уставились на нового учителя и стояли, оцепенев, до тех пор, пока класс не начал хихикать.

Учитель тоже удивился и даже как будто смутился немного. Он пробежал пальцами по пуговицам гимнастёрки, заправил её потуже за ремень и покраснел.

Костик первый пришёл в себя. Он бухнулся за парту и вцепился зубами в руку, чтобы не расхохотаться на весь класс. Только, как слепой, нащупал рукой сиденье, осторожно присел на краешек и застыл. Он чуть не плакал от досады. Никогда ещё он не бывал в таком дурацком положении. Он чувствовал себя обманутым и несчастным. Так всё здорово было придумано — и вдруг... Только боялся взглянуть на Шурку и Костика.

Холодея, он представлял себе, что было бы, если бы они добыли сеть вчера!..

Спрятаться бы под парту, сжаться там в маленький комочек и сидеть тихо-тихо. Он чувствовал, как трясутся от беззвучного смеха Костик и Шурка, и ему хотелось зареветь в голос.

Учителя звали необычно: Имма Григорьевич. Он недавно выписался из госпиталя.

Другой, наверно, убивался бы — руки ведь нет. А он — ничего, будто не замечает. Весёлый даже.

В первый же день поставил Богданову кол. За спряжения. Богданов спрашивает:

- Почему кол?
- Ты хочешь больше?
- Хочу.

Тогда Имма Григорьевич взял ручку и сделал в дневнике кол побольше, подлиннее.

— Почему? — тупо спросил Богданов.

— Почему? Потому что так будет больше, — очень серьёзно сказал новый учитель.

Богданов покраснел от злости и крикнул:

— Всё отцу расскажу! — и лёг на парту.

А отец Богданова — директор школы. Его все боятся.

Шутка была смешная. И все обрадовались, что Богданову досталось. Он обо всём доносил своему отцу, его не любили и боялись. Даже учителя. И Богданов открыто хвастался:

— Пусть только попробуют мне «пару» поставить! Отец им поставит! Фитиля.

А этот не испугался. Наверное, на фронте видел вещи пострашнее.

После урока долго говорили об учителе. Толька стоял в стороне и помалкивал. Решили: учитель парень что надо. А Богданов — известный фискал. Предупредили, чтоб держал язык за зубами.

Новый учитель интересно рассказывал. Так здорово, что весь класс сидел тихо-тихо. Даже Богданов слушал отрыв рот и в самых интересных местах громко шмыгал носом.

А Имма Григорьевич ходил по классу и негромко говорил.

Просто удивительно, сколько он знал самых разных вещей. Вот, например, все ребята выросли на берегу, знали залив вдоль и поперёк. И не подозревали, что он скрывает страшную и невероятную тайну.

Оказывается, в древние времена, в такие древние, что и представить трудно, на месте залива был город. Назывался он Диоскурия. А чуть подальше, в той стороне, где

маяк, стояла полукруглая крепость, под названием Себа-стополь.

Город был по тем временам очень большой, богатый. Торговал со всем Кавказом, а крепость нужна была, чтобы обороняться от морских разбойников.

Но они всё равно иногда прорывались на своих быстроходных галерах и грабили богатых купцов. Потрошили их лавки.

Купцы удирали в горы, сидели там и тряслись от страха. А лихие пираты веселились вместе с рыбаками, с ремесленниками, — в общем, с теми, у кого взять было нечего.

Всю ночь они пили вино и горланили песни, а с рассветом грузили всякое добро и лучших красавиц и уходили в открытое море.

Имма Григорьевич рассказал, что про этот город говорится в древних сказках — мифах.

Там сказано, будто бы город построили сыновья самого главного древнего бога — Зевса. Сыновей звали очень странно: Поливден и Кастор. А прозвище — Диоскуры. Поэтому и город — Диоскурия. Эти Диоскуры были ребята хоть куда! Кастор лучше всех объезжал диких коней, а Поливден был боксёр. Никто не мог победить его на кулаках.

Забрели они сюда случайно — золото искали. Золотое руно.

Были такие люди, которые специально золото искали, назывались они аргона́вты.

Вот с ними Диоскуры и попали в эти края.

Аргонавты брали белую баранью шкуру и клали её на дно горной речки, придавливали углы камешками. Крупинки золота, которые несла вода, запутывались в шкуре, и, когда её вынимали, она сияла на солнце, как золотая.

Отсюда и название — золотое руно. Потому что руно — это баранья шкура.

Так вот, эти братья вместе с аргонавтами построили город.

Им здесь понравилось.

Это всё в мифах написано: может, так, а может, и не так. Но то, что случилось дальше с городом Диоскурией и крепостью Севастополем, — это уж чистая правда.

Он провалился. Представляете? Взял и провалился!

Правда, Имма Григорьевич говорил, что он не сразу провалился, но довольно быстро. И теперь на его месте залив. А город стоит на дне. Дома, улицы, площади. Туда опускались водолазы и всё видели своими глазами.

В Диоскурии жили греки. Древние, конечно.

Но всё равно Стасик Кипритиди и Жорка Кубус очень загордились. Если в классе о чём-нибудь спорили, они говорили:

— Мы старожилы, мы лучше знаем.

А сами по-гречески слова сказать не могут.

ТРАНСПОРТ „ЯЛТА“

В тот день было только два урока. Когда друзья после школы подошли к порту, там толпилось великое множество девчонок и мальчишек.

На рейде стоял громадный теплоход, выкрашенный в защитную краску.

— «Ялта», — прочёл Толик и удивлённо посмотрел на ребят.

«Ялта»? Кто из мальчишек не знал этой красавицы?! Она входила по вечерам в бухту, как хрустальный город, вся в огнях, белая, неторопливая. И гудела густым басом.

А теперь на неё жалко было смотреть. Грязно-серая, в заплатах и ржавых потёках. Видно, досталось бедняге.

Узнали всё очень быстро. «Ялта» привезла эвакуированных ребят из Крыма и тяжелораненых. Ранеными забита вся «Ялта», лежат, где только можно.

Всё это рассказал мальчишка, по имени Митя.

— А нас, — сказал он, — спустили на берег. Будут кормить.

Костик переглянулся с приятелями. Сразу же захотелось есть так, что скулы заболели.

— А как ты думаешь, Митя, — вкрадчиво заговорил Шурка, — нас не покормят вместе с вами?

— Понимаешь, есть хочется, — добавил Толька.

Митя закивал большой головой на тоненькой шее и поспешно сказал:

— Факт, накормят, ребята, не беспокойтесь. Никто и не заметит — вон нас сколько.

Привезли кашу в бачках, прикреплённых к ручным тележкам.

Бачки поставили в кружок, и к ним сразу выстроились очереди. Лучами. К каждому бачку — своя очередь.

Костик с друзьями стал вместе с Митей. Митя рассказывал, как на них два раза налетали немцы в открытом море и как их отогнали эсминцы и «морские охотники», сопровождавшие «Ялту».

Это было очень интересно, но слушали его невнимательно.

Всё поглядывали на румяную тётеньку в белом поварском колпаке. Она накладывала в котелки горячую кашу и давала по два куска настоящего белого хлеба. Есть хотелось до дрожи в коленках.

Вдруг Шурка сказал:

— Ничего нам не дадут. У нас котелков нету.

И верно. Все ребята в очереди держали в руках солдатские круглые котелки. А у них котелков не было.

Костик выбрался из очереди и медленно побрёл по тротуару. За ним потащились Шурка и Толик.

— Стойте, ребята, не уходите! Ребята!

Мальчишки обернулись. К ним бежал Митя.

— Ну куда же вы,—задыхаясь, проговорил он. Схватил Костика и Тольку за рукав и потащил обратно. — Котелки я вам мигом достану, никто ничего не заметит. Стойте здесь.

И он исчез. Очередь двигалась быстро, а его всё не было. Когда впереди остались только две девчонки, прибежал сияющий Митя с котелками.

— Мыть бегал, — сообщил он.

Румяная тётя посмотрела на них, нахмурилась. Видно было, что она колеблется. Потом сказала:

— Ну, давайте вашу посуду, уважаемые гости.

Ребята молчали, смущённые.

— Ешьте, — сказала она и положила им по полному котелку.

Есть пошли в парк.

На всех скамейках сидели девчонки и мальчишки. Уплетали кашу.

Расположились на газоне, у памятника Шота Руставели.

Каша была горячая и ужасно вкусная. Называлась «геркулес». Костик вспомнил, что такую же кашу приносил дед. Где он сейчас? Уже три месяца от него нет писем. Может быть, он скоро прие. . .

Тр-р-рах!

Налёт начался внезапно. Завыла сирена, забухали зенитки.

Мальчишки и девчонки с «Ялты» мгновенно разбежались, исчезли в кустах, под деревьями, легли вдоль забора.

«Опытные», — с уважением подумал Костик.

Они вчетвером побежали в укромное место. У мальчишек по всему городу были присмотрены разные укромные местечки на случай бомбёжки.

Через три минуты ребята сидели под могучим сводом из белого камня.

Если посмотреть с моря на стенку набережной, выложенную необработанным белым камнем, можно заме-

тить небольшое овальное отверстие, из которого вытекает ручеёк, впадает в море.

Здесь и сидели ребята.

Море было как на ладони, а осколки не страшны. Почти безопасно.

Бомбардировщики шли волнами. Одни отбомбятся, другие заходят. Непрерывно лаяли зенитки. Всё небо было в упругих круглых облачках — следах разорвавшихся снарядов.

Почти все бомбы падали в море.

Взрывались они с оглушительным стеклянным звоном. Совсем не так, как на земле.

Сначала взлетал зелёный столб, потом от него в стороны, у самой поверхности, резко разлеталась вода, и только потом — дзинг! — удар.

— Сбили, сбили! — заорал Шурка и так подпрыгнул, что стукнулся головой о низкий свод.

Плавно разворачиваясь, волоча тугой хвост дыма, падал самолёт.

— Ещё, ещё! — орал Шурка.

Навстречу первому, чуть пониже, заваливался на крыло второй.

Падали они нехотя, не торопились, покачивали чёрными крестами.

Из второго вывалились один за другим четыре комочка, беспомощно повисли под белыми зонтиками парашютов, ветер понёс их к набережной.

— Попались, гады, — прошептал Митя, — попались!

Он стоял закусив губу и смотрел, смотрел не отрываясь.

Костик обернулся к нему. Такой ненависти он никогда ни в чьих глазах ещё не видел.

Самолёты не успели упасть в воду, как раздался сильнейший взрыв, совершенно не похожий на остальные. Ребята повернулись и увидели, как «Ялта», громадная, могучая «Ялта», переломилась пополам.

Нос и корма задрались высоко-высоко, обнажилось красное днище. Потом корма перевернулась и исчезла, а нос ещё был на плаву. Медленно, медленно он погружался. Вот исчез верхний ряд иллюминаторов, потом палуба, надстройки. . . И всё.

Костик посмотрел на ребят. Лица у них были такие напряжённые, такие непохожие, что он отвернулся. В голове гудело.

Костик пошёл к выходу. И вдруг остановился. Какой-то странный звук раздавался сзади. Костик обернулся и увидел Митю.

Тот сидел прямо в ручье, раскачиваясь, обхватив голову руками, и тоненько плакал. Как девочка — тоненько-тоненько.

Костик наклонился к нему.

— Ты что?

— Как утюги, как утюги, — шептал Митя.

— Кто? Какие утюги? — спросил Костик.

— Там раненые. В гипсе все. Тяжёлые, — ответил Митя. — Они в трюмах.

* * *

На следующий день втроём провожали Митю.

Ребят с «Ялты» отправляли эшелонам куда-то в Среднюю Азию.

Мальчишек поразил вокзал.

Маленькая привокзальная площадь была забита людьми. Люди сидели на узлах, на чемоданах, прямо на земле. Все куда-то хотели уехать, все ждали поездов. Многие, видно, ждали очень давно: кое-где были сложены из нескольких кирпичей печурки, на них готовили пищу.

Над площадью стоял ровный печальный гул. Казалось, что беженцы негромко говорят все разом, жалуются на свои беды.

Митю заметили издали. Он вертел головой, всматривался в толпу.

— Нас ищет, — сказал Шурка.

Митя увидел их, взмахнул руками, заулыбался и спрыгнул на насыпь.

Ребята стояли рядом с теплушкой. Митины товарищи сидели, свесив ноги, у открытой двери и молча разглядывали их.

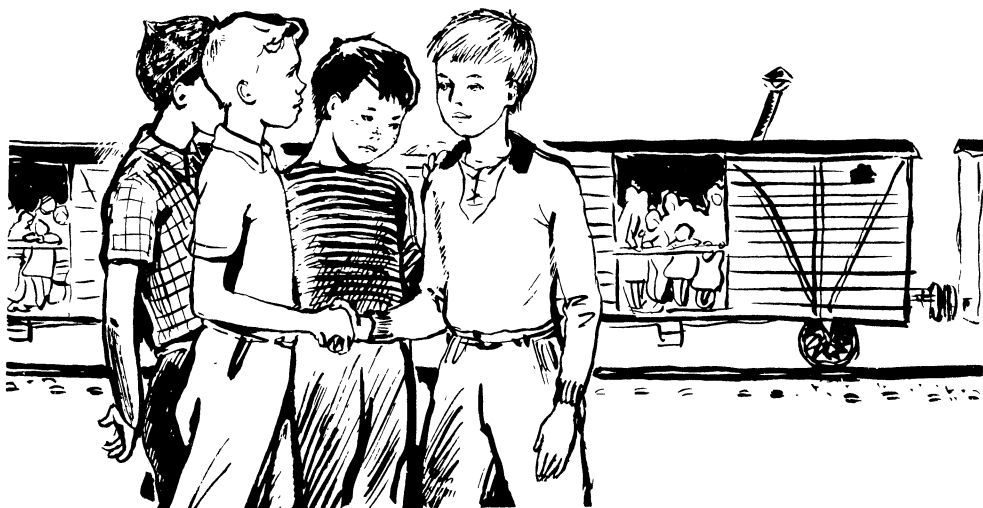
Костик взял Митю за руку и сказал:

— Слушай, Митя, оставайся, а? Не ездникуда. Будешь жить с нами. Бабушка согласна, она добрая.

— А? — спросил и Шурка. — Рыбу будем ловить и вообще. . . А там моря нет. Там песок.

Толик кивнул и положил Мите на плечо руку. Митя, видно, не ожидал такого разговора. Он покраснел так, что слёзы выступили, подался вперёд. . . Было видно, что ему очень хочется остаться.

Все четверо молчали. Костик, Шурка и Толик, улыбаясь, глядели на Митю и ждали.

Но Митя вдруг сник, нахмурился и сказал, как взрослый:

— Не могу я, ребята. Если ещё и я сяду на шею вашей бабушке, ей совсем плохо будет.

Такой он, видно, был человек, Митя.

Мальчишки долго ещё стояли. Говорить не хотелось.

Потом паровоз загудел и эшелон медленно тронулся. Митю посадили на ходу. Несколько рук сразу вцепились в него, втащили в теплушку.

Костик, Шурка и Толик шли рядом с вагоном, потом стали отставать. Митя крикнул:

— Ребята, я когда-нибудь приеду! Обязательно!

Поезд набирал скорость, вагоны стали сливаться в сплошную серую полосу, и скоро уже нельзя было разобрать, какой из них Митин.

Костик глядел на красные огоньки и пронзительно чувствовал, как это странно, что Митя ещё минуту назад был здесь, а теперь, может быть, они никогда не встретятся.

И впервые он подумал о том, как много людей на свете и как много дорог, — у каждого своя.

Он изумился этой мысли. И ему стало тревожно и радостно.

ПРО АКУЛ И МОРСКИХ КОТОВ

Солнце пекло вовсю. Красноармейцы в тяжёлых сапогах, со скатанными шинелями за плечами шагали по бульвару, ползали, бегали, кололи чучела.

Красноармейцы обливались потом. Когда, в перерыв, снятые гимнастёрки высыхали, их можно было поставить на землю, и они стояли.

Солдаты были издалека. Из Сибири. Они привыкли

к снегам, морозам, а тут сразу двадцать восемь градусов жары. Тяжело.

Почти все они были здоровенные, высокие. И называли себя непонятным словом «чалдоны». Говорят по-русски, а сами — чалдоны.

Костик, Шурка и Толик ходили с ними купаться. Умора! Такие большущие, ну просто богатыри, а воды боятся. Визжат, как женщины. А если окунаются с головой, то долго и тщательно зажимают пальцами нос и уши. И глаза закрывают. Окунаются медленно-медленно, тут же быстро выскакивают, отфыркиваются и трясут головой.

Как-то раз Толька стал рассказывать про акул. Будто их тут видимо-невидимо.

— А ротище у них — во! — говорил Толька, разводя руки. — А зубы — во! — показывал он ладонь. — Как цапнет поперёк живота — так и перекусит.

Все они стояли в воде, и красноармейцы стали ёжиться и оглядываться.

— Ну, уж ты скажешь! Не так их много, этих акул, — включился в игру Костик. — Вот морской кот — это да!

— Это ещё что за зверь? — спросил старшина и усмехнулся, будто ему не страшно.

— А это такая рыба, плоская, как блин. Только блин этот с автомобильное колесо, — заливался соловьём Костик. — У неё есть хвост, будто стальной трос, а на конце хвоста кривая колючка. Острая, как бритва.

— Ну и что? — спросил кто-то.

— Да ничего. Только они любят подплыть незаметно к человеку — да как чиркнут колючкой! Не обрадуешься!

Многие сибиряки стали выходить на берег. Остались старшина и ещё человек пять.

— Врут они всё, чертенята, — сказал старшина и начал тереть голову мылом. Но голова не намыливалась.

— Вот поганая вода, а ещё море, — плюнул он, — помыться по-человечески и то нельзя.

Про акулу и кота стали как будто забывать, понемногу возвращались в воду.

Костик пошептался с Толькой.

— Да где тебе! — громко закричал тот. — Вы только послушайте, — обратился он к сибирякам, — вот он, — Толька показал на Костика, — говорит, что нырнёт дальше меня!

Он ткнул пальцем себе в грудь и неестественно захотал:

— Ха, ха, ха!

— А ну, давай, — закричал старшина, — соревнуйтесь!

— Давай, давай, — загалдели сибиряки, — судить будем честно; ныряйте, ребята.

Их долго устанавливали на одной линии, около каждого собрались болельщики.

Костик незаметно подмигнул Шурке. Тот вышел на берег, отошёл подальше и сел на парапет. По команде старшины Костик и Толька нырнули.

Под водой тот и другой повернулись и поплыли обратно.

Основное, из-за чего всё могло сорваться, — это прозрачная вода.

Но сибиряки так внимательно и азартно всматривались в ту сторону, куда нырнули мальчишки, что не заметили никакого подвоха.

Переполох начался, когда Костик царапнул указательным пальцем по животу старшины, а Толька схватил кого-то за ногу.

Пострадавшие заорали во всё горло, высоко подпрыгнули и со всех ног бросились на берег. За ними как ветром сдуло остальных.

Когда Костик и Толька вынырнули, им закричали:

— На берег! Скорей! Там акулы!

Старшина показывал пальцем на свой живот:

— Вот! Чуть кишки не выпустили.

Костик и Толька так хохотали, что несколько раз хлебнули горько-солёной воды — огурца съели, по местному выражению.

На берегу заливался Шурка.

Постепенно сибиряки поняли, что их провели, разыграли сопливые мальчишки. Первым делом погнались за Шуркой. Но куда там! У того только пятки блеснули.

Костик и Толька на всякий случай отплыли подальше — вдруг камнями начнут бросаться. Но обошлось. Им грозили страшными карами, приказывали немедленно вылезти и отдаться на милость победителей. Но мальчишки только смеялись.

— Эх, вы! А ещё солдаты! Сдрейфили! — кричали они.

— Ну, чертяки, погодите. Мы с вами ещё встретимся, — погрозил старшина.

Он говорил сердитым голосом, будто бы всерьёз, но Костик заметил, как старшина подмигнул одному солдату и оба хитро улыбнулись.

Костику вдруг показалось, что солдаты просто играли с ними.

— Здóрово мы их! — хвастливо сказал Толька.

— Эх ты! «Здóрово»! С нами пошутили, а ты и уши развесил, — ответил Костик. — Станут солдаты какого-то там кота бояться. Не такие они люди.

— А ты что, знал об этом? — изумился Толька.

— А как же! — слукавил Костик.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ ЖАВОРОНОК ВЬЁТСЯ

Старшина оказался прав. Они действительно скоро встретились. Ох, если бы Костик мог предвидеть такую встречу!

Всё было как обычно. Они лазали по развалинам водолечебницы, раскачивались на торчащих прутьях арматуры, прыгали с камня на камень.

Бабушка каждый день ругала Костика и Шурку за эти развалины. Боялась, что их там придавит. Они молча её выслушивали, а назавтра принимались за старое.

— Совсем от рук отбились, — говорила бабушка и грозилась написать маме.

У них в развалинах была пещера. О ней знали трое: Костик, Шурка и Толик. Пробираться туда нужно было ползком, между рухнувшими железобетонными колоннами. Там хранились все их богатства. Пещера называлась громким словом «штаб».

О штабе знал ещё только один человек — Митя с потопленного транспорта «Ялта», — но он был далеко.

В пещере было сухо и уютно. По узкому проходу волоком, ползком натаскали матрасов, устлали ими весь пол.

Можно было хоть кровати поставить — среди развалин их сколько угодно, — да только кровати не пролезут, да и зачем они — кровати? . .

В углу сложена печурка. В большой никелированной кастрюле из-под медицинских инструментов хранились припасы — три початка кукурузы. Съесть их решили, когда станет совсем уж неважно.

Но самое главное богатство — это ракетница. Чистили и смазывали её каждый день. По очереди. Запрятана ракетница так хитроумно, что если кто и заберётся случайно в штаб, всё равно не найдёт: надо вынуть кирпич из стены, за этим кирпичом тайник. А кирпич-то в углу, на уровне пола, да ещё завален куском бетона.

В штабе дали клятву. Костик сказал, что её всегда дают. Во всех книжках написано. И революционеры, и военные.

Спорили чуть не до драки, какая она должна быть. Каждому казалось, что его клятва лучше всех. Потом Костик надоело спорить и он сказал:

— Чего ругаться? Давайте просто подумаем, что для нас, для троих, самое главное. Чего мы друг другу не должны делать. И что должны обязательно. Ну?

— Не трусить, — сказал Шурка, — самое главное — не трусить. И не обманывать. Не врать никогда друг другу.

— И всегда помогать, выручать, если беда, — сказал Толик.

— А если кто нарушит? — спросил Костик.

— Не нарушит.

— Ну, а если?

— Тогда всё. Не дружить с ним, не разговаривать и ракетницу не давать, — сказал Толик.

— А как бы это сказать получше?

— А так: кто нарушит, тот гад и фашист, — сказал Шурка. — Сразу всё понятно — кто же будет с таким дружить?

Клятву произносили торжественно и очень серьёзно, по очереди, держа ракетницу в поднятой руке:

«Стоять друг за друга, не врать и не трусить. Кто изменит — тот гад и фашист».

Почти все разговоры в штабе кончались воспоминаниями о встрече в горах. Виной тому, наверное, была ракетница. Когда держишь её в руках, как тут не вспомнить. Только уже оправился после конфуза с Иммой Григорьевичем и кипятился больше всех.

— Эх, вы! Шпиона упустили. Вор!.. Никакой он не вор. Как взяли ракетницу, так надо было наставить на него и будить. Потом связать — и на лошадь. Дураки вы! Даже не узнали, что в ящике. Эх, жаль, меня там не было! Я б ему показал!

— Ты уже один раз показал, — смущённо огрызался Костик, — легко тебе болтать. Небось удрал бы, как заяц. Тоже мне — герой!

Шурка молчал и улыбался. Чего ему было не улыбаться?! Ракетницу-то он добыл! Теперь издалека всё казалось совсем не страшным.

Костик переживал и думал, что они действительно сделали всё не так. Может быть, просто трусили.

От этой мысли щёки начинали полыхать, и он тряс головой, отгоняя её, как муху.

А тоненький ехидный голосочек где-то там внутри тихо говорил: «Струсили, струсили».

— Погоди, погоди, — шептал Костик, — я тебе покажу. Пусть только случай подвернётся.

* * *

В тот день играли в казаки-разбойники. Десять на десять. Было весело и шумно. Три дня не бомбили, а Костик и Шурка получили письма от своих мам. Разом. Будто мамы сговорились. Только этого не могло быть: Шуркина мама писала из Ашхабада, а Костика — откуда-то с фрон-

та. Её письмо во многих местах было вымарано цензурой. Письма были хорошие, весёлые. Шуркина мама обещала скоро приехать.

Костик, Шурка и Толик попали в «разбойники». Откровенно говоря, это было не очень честно: они знали развалины лучше всех, облазали каждый закоулок. Попробуй поймай их.

Один угол здания сохранился. Он стоял, как нос корабля. Очень печального корабля с громадными пробоинами — окнами. Сохранились и три колонны, которые когда-то держали балки этажных перекрытий.

На последнем, четвёртом, этаже висел кусок пола. Если по нему быстро пройти, то можно добраться до верхушки одной из колонн. На стенку-то забраться было проще простого — по арматурным прутьям. Как по лестнице. А вот пробежать по чуть наклонному куску пола до колонны не всякий решится. Первым, ещё несколько месяцев назад, это проделал Шурка. А Костик не смог. Шурка уже стоял на колонне и говорил:

— Ты вниз не смотри. Гляди на меня. И быстро — раз! И готово. Тут же близко.

Костик несколько раз пытался... и не мог. Как только он представлял себя на этой полоске, висящей над грудой кирпича и скрученных балок, то видел, как ноги его начинают скользить, руки нелепо взмахивают — и...

Он снова смотрел вниз и не мог решиться.

Пол был аккуратно выложен шашечками паркета, только в одном месте покоробился да двух паркетин не хватало.

Костик сидел на корточках, и ему было нестерпимо стыдно перед Шуркой. Он ругал себя трусом, девчонкой, но ничего не мог с собой поделать. А потом он смотрел, как Шурка легко пробежал обратно. Будто по твёрдой земле.

Шурка заглянул вниз и сказал:

— Ого! Если б раньше видел, не пошёл бы.

«Будто он не видел», — подумал Костик.

Они стали спускаться. Костик тащился сзади.

Шурка никому об этой истории не рассказал и ни разу не напомнил её Костику.

В конце концов Костик прошёл до колонны.

Два дня он убегал с уроков. Один, тайком пробирался в развалины. И прошёл. А под ногами трещало.

... Почти всех разбойников поймали. «Казачи» оказались проворнее, чем думал Костик.

Костик забрался на самый верх стены и оттуда увидел, что деваться некуда. Два «казака» лезли к нему, окружали. Он стоял у остатков пола и ждал. «Казакам» с непривычки было страшно. Они шли медленно и напряжённо, расставив руки. Боялись смотреть вниз. Костик ждал. Они подходили всё ближе и ближе. Сейчас схватят. Костик прыгнул со стены на висящий кусок пола. Что-то громко закрипело, и он почувствовал, как пол уходит из-под ног.

«Падаю», — с ужасом подумал Костик и рванулся вперёд. В последний миг он успел оттолкнуться ногами и повис на колонне. Острый край упирался в живот, руки вцепились в какую-то проволоку. Внизу глухо ухнуло, и колонна сильно качнулась.

Медленно-медленно Костик подтянул ногу, стал на колено. Потом повернулся и сел. Напротив него сидели на корточках перепуганные «казаки».

— Как же ты слезешь? — шёпотом спросил один.

— Не знаю, — тоже почему-то шёпотом ответил Костик. Руки у него дрожали. Он хотел потерять ушибленное колено, но тут же снова вцепился в проволоку. Что-то острое врезалось в ногу. Сидеть было неудобно, но Костик боялся пошевелиться.

Внезапно рядом с «казаками» появился Шурка. Костик не видел, как он лез. Шурка тяжело дышал.

— Страшно, Костик? — негромко спросил он.

Костик отвернулся.

— Не бойся. Бабушка ничего не узнает. Толька побежал к чалдонам. Они выручат.

Костик взглянул на Шурку и улыбнулся.

— А морского кота забыл? . .

* * *

Солнце медленно садилось. Румяное и круглое.

«Как будто стриженное под машинку», — подумал Костик, и сам себе удивился: как он может сейчас думать о всякой ерунде?

А солдат всё не было.

— Не придут они, — сказал Костик.

— Ну да! Обязательно придут! — ответил Шурка, но голос у него был не очень уверенный.

Он повернулся к «казакам»:

— Сходите к ним, ребята. Скоро ведь темно будет.

«Казачки» обрадованно закивали и на четвереньках пошли к спуску.

«Им-то хорошо», — тоскливо подумал Костик.

* * *

— Идут, идут, — заорали снизу.

Костик приподнялся, вытянул шею.

— А ты говорил, — закричал Шурка, — не придут! Вот они!

Костик увидел красноармейцев. Двое несли доски. Немного в стороне шёл старшина с мотком верёвки на плече.

Он что-то говорил, распоряжался. Солдаты начали сколачивать две широких доски. Старшина посмотрел вверх и стал снимать гимнастёрку. Снова посмотрел на стену, покачал головой и полез.

Костик видел, что ему мешает верёвка — цепляется

за прутья, сползает с плеча. Старшина что-то бормотал. Ругался, наверно. Потом он шёл по стене, боязливо переставляя ноги — точь-в-точь, как «казаки». Остановился напротив Костика, присвистнул.

— О, старый знакомый! Вот ты где попался, голубчик!

Он сунул в рот поцарапанный палец. Высосал кровь. Сплюнул.

— Между небом и землёй жаворонок вьётся. Как тебя туда черти занесли? А?

Костик молчал.

Старшина продолжал ехидным голосом:

— Сначала я тебя оттуда сниму — раз! — он загнул один палец. — Потом надеру уши — два! Потом отведу к батьке и посмотрю, как он тебя выпорет, — три! Устраивает?

— Не выпорет.

— Почему это? — огорчился старшина. — Обязательно выпорет. Я ему всё расскажу.

— А его нету.

— Нету? Воюет батька?

— Совсем нету! — крикнул Костик.

— Нету — так нету, — согласился старшина. — Тогда мамка выпорет.

— И мамка не выпорет, — Костик улыбнулся.

— А мамка-то где? — удивился старшина.

— Воюет.

— Ты мне зубы-то не заговаривай! Твоё от тебя не уйдёт. Сам выпорю.

Старшина снял с плеча верёвку, размотал её. Потом сел верхом на стену, поёрзал, устраиваясь поудобнее, и крикнул:

— Давай!

Солдаты внизу привязали к верёвке сколоченные доски. Старшина поплевал на руки и стал тянуть.

Доски, видно, были тяжёлые. Старшина побагровел. Под синей майкой и на руках вздулись узлы мышц.

«Здоровенный какой! А ведь выпорет», — опасливо подумал Костик.

Старшина положил доски поперёк стены.

— Убери ноги, — сказал он Костику.

Костик сел на корточки. Доски медленно приближались. Старшина откинулся назад. Лицо у него блестело от пота. Костик протянул руку, схватил доску, потянул. Доски тяжело легли на колонну. Захрустели крошки кирпича и цемента.

— Готов мост! — задыхаясь, сказал старшина.

Костик встал.

— Сядь!

Он сел. Старшина неторопливо поднялся. Потрогал ногой доски. Подвинул их немного вперёд и медленно пошёл.

Жидкий мостик скрипел и прогибался. А колонна заметно дрожала. Твёрдая рука приподняла Костика, притиснула к горячему боку — так, что дышать стало трудно. Костик спиной чувствовал, как у старшины редкими толчками бьётся сердце.

Как много, оказывается, можно чувствовать спиной! Под ногами старшины ходуном ходили доски. А вот он качнулся, ещё сильнее притиснул Костика и остановился. Снова пошёл. Медленно-медленно. Остановился. Шумно вздохнул. И Костик понял: дошли. Он открыл глаза. Старшина осторожно поставил его на стену.

— Уф! Земли вам не хватает, паршивцам! — Он нагнулся, поднял доски и сбросил их вниз.

— Всё, — старшина повернулся к Костику. — Пойдём, я тебя выпорю.

Он взял Костика за плечи, улыбаясь, притиснул к себе и легонько толкнул коленом.

ЛОВЦЫ ЖЕМЧУГА

Бабушка страшно похудела. На шее и на руках кожа у неё висела складками. Лишняя кожа.

На фрукты был неурожай и такие цены — не подступиться.

Август стоял очень жаркий.

В залив упало столько бомб, что рыбы почти не осталось. Наверно, и Диоскурия развалилась вся.

Костик и Шурка целыми днями пропадали у моря. Бродили по берегу, запускали руки под камни — искали

крабов. Крабики попадались такие маленькие, что в них и есть было нечего.

Мальчишки многому научились. Например, добывать соль. Брели большой лист фанеры и поливали его морской водой. Вода высыхала, оставался белый налёт — соль. Поливать надо было долго, терпеливо и очень осторожно — как бы не смыть осадок. Потом соль соскабливали ножом.

Соль получалась не очень хорошая, с каким-то привкусом, но всё же лучше, чем ничего.

Только им помогал. Его папа был директором табачной фабрики. Костик и Шурка иногда обедали у них. Однажды даже мёд ели. О! Это было здорово — мёд!

Но у Тольки ещё две сестрёнки — Галя и Вера, — а его мама говорила:

— Кушайте мёд, мальчики, кушайте! Он очень свежий. Галочка и Верочка так любят мёд. И Толик тоже. Правда, Толик? Жалко, что его так мало. Одна маленькая баночка.

Только краснел и отворачивался.

Дядя Саша Дорошенко научил бабушку варить мидий. Мидии — это чёрные двустворчатые раковины. Они густо облепляют сваи пристани. На прибрежных камнях тоже есть, но мелкие. Чем дальше в море, тем они крупнее.

Внутри у мидий, на перламутровых стенках, — нежное жёлтое мясо. Когда так хочется есть, что невтерпёж, их можно глотать сырыми — живьём.

Раковину нужно разбить камнем и осторожно выбросить желчь — это такой комочек оранжевого цвета. Желчь очень горькая. Если её случайно проглотить, то потом целый день во рту привкус меди, будто сосал дверную ручку.

Мидии солоноватые на вкус, студенистые. Дядя Саша говорил, что это черноморские устрицы. Деликатес. Устрицы едят буржуи.

Костик и Шурка, не задумываясь, обменяли бы буржуям кучу этого деликатеса на ломоть хлеба. Варёные мидии были вкуснее, но, чтобы наесться, надо было сварить целую гору.

Костик, Шурка и Толик вплавь добирались до середины пристани, толкая перед собой маленький лёгкий плотик. Плотик привязывали к свае и начинали нырять. Самые лучшие раковины были внизу, у дна. Отрывать их довольно тяжело, но за полчаса плотик заполнялся.

Самое главное — не попасть под бомбёжку на воде. Даже если бомба упадёт далеко, всё равно может оглушить. Всплывёшь, как рыба, — брюхом кверху.

Однажды их увидели с небольшого транспорта, пришвартованного рядом.

Транспорт был битком набит легко раненными. Они разгуливали по пирсу, стояли, опершись на костыли, на палубе.

Давали советы, как нырнуть поглубже. На палубу вышел моряк с перевязанной рукой. Он посмотрел на ребят, очень удивился и сказал:

— Привет ловцам жемчуга! Я не верю своим глазам: это Кавказ или Гавайские острова?

Он вытащил из кармана горсть мелочи.

— Проверим ваше искусство.

Полетела монета. Без всплеска врезалась в воду и пошла на дно.

— Ну, что же вы? — закричал моряк. — А ещё ловцы жемчуга. Поймать не можете.

Он снова подбросил монету. Костик нырнул. Монета медленно, зигзагами шла на дно. Поймать её ничего не стоило.

Вынырнул. Показал. Раненые захлопали в ладоши. В воду упало сразу несколько монет. Нырнули втроем. Поймали.

И началось! Блестящие кружочки летели со всех сторон. Раненым очень нравилась эта забава. Ребята не успе-

вали ловить. Мидии сбросили, на плотик складывали новый улов.

Большая часть монет упала на гладкое песчаное дно. Лежали там светлыми точками.

Мальчишки начали уставать. Шурка хлебнул воды и сильно закашлялся.

— Хватит, братва, хватит, — закричал моряк, — уморим ребятишек! Здорово ныряете, лягушата. Хоть сейчас на остров Таити.

На пирсе появился покачивающийся матрос. Он посмотрел вниз на мальчишек и расплылся в улыбке.

— Н-нырки?! — матрос полез в карман, вынул какую-то бумажку.

— Лови, ребята!

Он сильно качнулся, чуть не упал в воду. Красная бумажка, медленно кружась, села на воду рядом с плотиком.

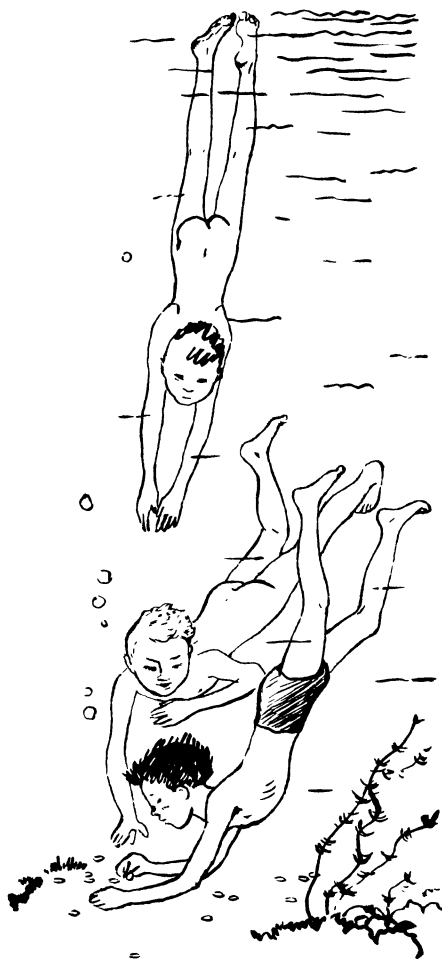
— Ой! Тридцать рублей! — прошептал Шурка.

Костик взял бумажку.

— Дяденька, я сейчас принесу! — крикнул он матросу.

— Не смей! — матрос топнул ногой. — Купите себе леденцов.

Но Костик завернул в бумажку три пятака и бросил её на пирс.

Монеты — это монеты. Их ловить интересно. А тридцать рублей — это деньги.

Матрос подобрал бумажку и вдруг проговорил жалобным и совсем не пьяным голосом:

— Возьмите, ребята, очень прошу. Ну, возьмите. Мне они ни к чему. Зачем вы меня обижаете?

И снова бросил. Пришлось взять. Как обидеть раненого?

ШУРКИНА ИДЕЯ

Денег было 76 рублей 40 копеек. Неслыханная сумма! Никто из троих не видел столько сразу.

Ребята сидели в развалинах, в своём штабе. Деньги лежали в никелированной крышке от кастрюли, в которой когда-то кипятили инструменты. Все трое расположились на полосатом матрасе и думали.

Что делать с деньгами? Возникло множество проблем.

Можно было купить у цыган семь петушков на палочке и ещё останется шесть рублей и сорок копеек. По два леденца на брата и один — бабушке.

Можно — пятнадцать стаканов семечек.

Или того и другого вместе.

Просто глаза разбегаются!

— У Красного моста цыганка торгует. Ох, и петушки у неё! Зелёные, синие, красные! — сказал Толик.

— Она их облизывает, — заявил Шурка.

— Для чего? — удивился Толик.

— Чтоб блестели лучше.

Шурка плюнул. Слюна длинной торпедой вылетела в дыру от выбитого кирпича.

— Врёшь! — сказал Костик.

— Чтоб я пропал! Сам видел.

Шурка сидел, положив подбородок на острые колени. Задумчиво водил щепкой по пыльному полу.

Костик представил себе чёрную усатую цыганку в ярких юбках, засаленных на животе, и ему расхотелось петушков.

— Тоже мне — петушки! Съел — и нет ничего! Как и не было, — сказал Шурка. — Вот бы чего-нибудь т а к о е купить! — он щёлкнул пальцами.

Ох, этот Шурка! Хитрющий. И про цыганку, наверно, нарочно выдумал.

— Какое «такое»? — повернулся к нему Костик. — Выкладывай!

Шурка улыбнулся.

— Вот такую бы вещь купить, чтобы была маленькая, — куда хочешь с собой бери. А потом — раз! И на этой вещи плавать можно. Как на лодке.

— Что ты несёшь? Какая вещь? При чём тут лодка? — рассердился Толик.

— При том. Если большую автомобильную камеру свернуть, — она маленькая. А надуешь, — она лодка. Понял?

Шурка встал и быстро заговорил, размахивая руками:

— Представляете? В любом месте надул — и плыви. Хочешь — у маяка отчаливай, хочешь — у рыбоколхоза. А хочешь, — он понизил голос, оглянувшись, — хочешь — плыви на «Эмбу».

Шурка замолчал. Посмотрел на друзей. Глаза у них блестели. Попасть на «Эмбу» — давнишняя их мечта. Пограничники приказали вытащить на берег все лодки. Выходить в море строго-настрого запрещалось всем, кроме рыбаков рыбоколхоза. «Эмба» — это большой пароход, который стоит на мели в двух километрах от берега, за маячной косой.

«Эмбу» торпедировали немцы, когда она выходила

в море после ремонта в плавучем доке. По счастью, это случилось над песчаной банкой — мелью. «Эмба» села на дно, погрузившись чуть выше ватерлинии.

Издали казалось, что плывёт сильно перегруженное судно.

Фашистам тоже так казалось, и поэтому каждая их подлодка, которая забредала в эти места, считала своим долгом всадить в «Эмбу» парочку торпед.

Так она и стояла.

Снимать её с мели не было смысла: все машины разворочены и корпус как решето.

— Вот бы, а?! — Костик даже привстал. — Только где её купишь, камеру?

— На барахолке, — авторитетно заявил Шурка, — там всё есть. Дядя Саша недавно там леску прозрачную купил. Говорит, только птичьего молока там нет.

— А нам его и не надо, — сказал Толик.

— У нас на чердаке насос велосипедный есть, — сообщил Костик.

— Ну да? Тогда обязательно надо покупать, — сказал Шурка. — Для чего ж насос, если накачивать нечего? Вжик, вжик!

Шурка надул щёки.

— Бабушку попросим сшить такой мешок, чтобы в него засовывать камеру. Круглый. Накачаешь — и будет дно, как у лодки. Вжик, вжик! — заорал Костик и толкнул Тольку.

— «Эмбу» на abordаж! Вжик, вжик! — Толька подмял под себя Шурку, Костик стал его стаскивать. Скатились с матраса на пол.

— Встречаем фашистов — и вжик, вжик! Берём в плен подлодку! — орал Шурка. — Я — капитан! Вжик, вжик! Назначаю Костика боцманом! Вжик, вжик! Назначаю Тольку коком.

— Вжик, вжик! Выстреливаем хвостуном Шуркой вместо торпеды, — обиженно сказал Толик.

БАРАХОЛКА

Ещё издали слышался непонятный гул. Чем ближе подходили к пустырю за базарной площадью, тем больше этот гул нарастал.

Когда прошли между расставленными, как толстые ноги, опорами виадука и обогнули железнодорожную насыпь, гул выплеснулся на дорогу, распался на отдельные выкрики — то визгливые, то угрожающие. Ребята даже остановились. Прижались друг к другу.

Перед ними колыхалась громадная толпа. Люди шныряли в разные стороны, что-то кричали, размахивали руками. Над толпой висело облако пыли.

— Ух ты! — прошептал Шурка.

Они медленно подошли поближе. Толпа, казавшаяся издали сплошной, вблизи разделилась на отдельные куч-

ки, с узкими проходами между ними. Ребята взялись за руки и медленно стали пробираться вперёд.

Чего только здесь не было!

Какая-то бабка, укутанная, несмотря на жару, в тёплый шерстяной платок, продавала здоровенный пузатый самовар и живого петуха. Рядом сидела другая; перед ней на старом мешке лежала гора рваных туфель. Туфли были разные — большие и маленькие, с оторванными подошвами, непарные. И среди этого хлама — огромные стенные часы с одной стрелкой в деревянном футляре. А футляр весь в золочёных шишечках.

Продавали ржавые замки и лохматую дворнягу, плетёные корзины и хрустальную люстру.

Но больше всего на барахолке было каких-то юрких людей, которые ничего не продавали. Они сновали в разных направлениях, шептались друг с другом, показывали что-то, спрятанное за пазухой.

Постепенно мальчишки настолько привыкли к шуму, что смогли разговаривать.

— Разве здесь что-нибудь найдёшь? — прокричал Толик.

— Найдём, — ответил Шурка. — Искать надо.

— Только не расходиться, а то сразу потеряемся, — сказал Костик.

Пройдя несколько шагов, они очутились в том месте, где ковали медные кувшины и чашки. Кузнецы были старые, бородатые, с большими висячими носами. Все в кожаных фартуках, очень похожие друг на друга.

Небольшими молоточками они быстро ударяли по листу меди: «Дзинь, дзинь! Бонг, бонг!»

Грохот стоял такой, что остальной шум барахолки казался тишиной.

Здесь было необычайно интересно.

На глазах у мальчишек кузнец выковал широкую медную чашу. Повертел её в руках, любовался — и поставил рядом с другими.

Мальчишки так бы и простояли возле кузнецов, глядя, как ловкие молоточки гнут, растягивают, сминают податливую медь, но целеустремлённый Шурка потащил их дальше. Они уже немного освоились и продвигались быстрее, прыгая, как и все, через разложенные товары.

Толик нечаянно наступил на деревянную ложку, десятки которых были разложены на соломенной подстилке, и тут же здоровенная тётка ловко съездила его по затылку и обругала такими словами, каких они и от мужиков не слыхали.

Удирая от разъярённой торговки, мальчишки наткнулись на толпу, плотным кольцом окружившую человека на раскладном стульчике.

Они протиснулись вперёд.

Из толпы заорали, толкнули, и мальчишки сели на пыльную землю рядом с раскладным стульчиком.

На нём сидел здоровенный дядька, стриженный наголо, с глубоким шрамом на подбородке и без двух пальцев

на правой руке — среднего и указательного. Перед ним лежал маленький деревянный чемоданчик с острыми металлическими уголками. Дядька покосился на мальчишек и закричал неожиданно тонким, как у женщины, голосом:

— Уважаемые граждане! Ваше счастье в ваших же руках! Что вы себе смотрите? На ваших трудовых ручках десять пальцев. Каждым пальцем вы легко выиграете червонец у несчастного калеки. Десять на десять — сто!

Он ещё раз слово в слово прокричал всё это. И ещё, и ещё, без перерыва. В толпе зашевелились, и напротив беспалого, стыдливо улыбаясь, сел старик в замасленной тельняшке.

Беспалый ловко выдернул из нагрудного кармана клетчатой рубахи смолёную бечёвочку, разложил её на чемоданчике петлями.

— Прошу внимания, граждане! — закричал он. — Всё честно, благородно. Суешь палец в петлю, шкертик затягивается — твой червонец, не затягивается — мой.

Корявый коричневый палец старика захлестнула бечёвка. Беспалый открыл чемоданчик, полный денег, вынул десять рублей и протянул старику.

— Грабьте несчастного калеку, обирайте! — весело прокричал он.

Старик не хотел брать деньги, отталкивал. Но беспалый засунул бумажку ему за пазуху.

— Давай, старик, давай! Деньги наши — будут ваши! — кричал он.

Старик снова сунул палец и... отдал выигранную десятку обратно: бечёвка скользнула змейкой, петля не затянулась.

Через десять минут, переложив из своего кармана в деревянный чемоданчик сто шестьдесят рублей, старик встал и понурясь пошёл прочь. А беспалый кричал:

— Давай! Налетай! Деньги наши — будут ваши! Не смотри на старика — глаз у деда не тот.

И приоткрывал чемодан с деньгами. Показывал.

— Ничего не жалко для уважаемых, всё бери! — выкрикивал он.

— Награбленного небось и не жалко, — очень тихо сказала старая исхудалая женщина, стоявшая позади ребят.

Она сказала это чуть слышно. Но у беспалого слух, видно, был собачий. Он вскинул голову и полоснул женщину взглядом. Она тихо охнула и поспешно выбралась из толпы.

— А вдруг это он, помнишь, Шурка? Крепость помнишь? — прошептал Костик.

Шурка пренебрежительно махнул рукой и снова повернулся к беспалому. Глаза у Шурки азартно блеснули.

Примерно за час беспалый обобрал пятерых. Действовал он со всеми одинаково и безошибочно: один-два раза давал выиграть, а потом бечёвка как заколдованная скользила мимо пальцев.

— Костик, давай, попробуем, — прошептал Шурка.

— Ты что, свихнулся? Он же жулик, — ответил Костик.

— Не бойся, я заметил, как он это делает, всё время смотрю.

Костик повернулся к Толику:

— Дадим?

— Пусть попробует, — азартно прошептал Толик.

Костик передал Шурке тридцатирублёвую бумажку, которую всё время сжимал в кулаке.

— Дяденька, а мне можно попробовать? — спросил Шурка у беспалого.

— А деньги есть?

— Вот!

Шурка помахал деньгами.

— Грабь бедного калеку, обирай! — пронзительно закричал беспалый. И раскинул верёвочку.

Шурка долго смотрел, потом сунул палец. Петля затянулась. В толпе никто этому не удивился. Снова легла бечёвка и снова затянулась вокруг Шуркиного пальца.

— Ай, ай! — кричал беспалый. — Грабёж среди белого дня. А ну, давай ещё. — И третья десятка перешла в руки Шурки. Толпа зашевелилась, загалдела.

— Бежим, Шурка, — прошептал Костик, — всё равно обманет.

Беспалый поплевал на руки и бросил верёвочку по-новому, не так, как раньше. Шурка долго смотрел. Потом встал.

— Не хочется мне больше играть, — сказал он.

— Ты что это? С выигрышем удираешь, гад? — прошипел беспалый и вскочил. Но толпа мгновенно раздвинулась, пропустила мальчишек и снова сомкнулась.

— Ну, попадись ты мне, гадёныш! — крикнул беспалый.

Кто-то из толпы ударил ногой по чемоданчику с деньгами. Он перевернулся, деньги рассыпались по земле. Люди нагибались, хватали их. Беспалый бросался то к одному, то к другому. Началась драка. Мальчишки ударили во все лопатки, беспалому было не до них.

Толпа постепенно редела. Пошли шагом.

— Ох, Шурка, и здорово ты его! — сказал Толик.

Шурка скромно молчал. Вдруг он резко остановился. Глаза у него вытаращились. Показал пальцем направо. Ребята посмотрели и недоуменно переглянулись. Костик даже потряс головой.

О чудо! Среди кучи ржавых гаек и какого-то барахла лежала новенькая, ярко-оранжевая надувная лодка. Маленькая и аккуратная, она лоснилась на солнце апельсиновыми боками.

Как замороженные, с приоткрытыми ртами, маль-

чишки медленно подошли. Они боялись отвести глаза — как бы это чудо не исчезло.

Только подойдя вплотную они посмотрели на продавца. И сразу восторг их немного остыл.

На них глядел, прищурив маленькие заплывшие глазки, известный всему городу тряпичник, спекулянт и жулик Мамед.

Жил он недалеко от Костика в маленьком домике за глухим забором. Говорили, что по национальности Мамед перс. Прямо из шеи у него росла рыжая борода, жёсткая, как медная проволока. На голове зимой и летом торчала каракулевая шапочка, а фамилия у него была какая-то

дурацкая — Яя. Он шнырял по дворам с грязным мешком за плечами и с железным крючком в руках — собирал тряпье, бутылки, бумагу. И высматривал, что плохо лежит. После него часто пропадало бельё, сохнувшее на верёвке, или ещё что-нибудь.

Мальчишкам и девочкам он продавал варёную кедровую смолу. Её можно было жевать, выдувать из неё пузыри и щёлкать ими. Смолу он скатывал в колбаску и давал откусывать за три рубля небольшой кусок. Отмечал пальцем и говорил:

— Кусай!

А сам жульничал. Когда нагибались, чтобы откусить, передвигал палец.

— А, соседи! — сказал Мамед. — Торговать пришли? Покупать пришли? Много денег имеете?

Он кругло захохотал:

— Хо-хо-хо!

Костик присел рядом с лодкой, погладил её упругий бок.

— Откуда это у тебя, Мамед?

Лицо Мамеда сразу стало злым. Глаза покраснели и забегали, как мыши.

— У, шайтан! Собаки! — проговорил он.

— Кто? — спросил Шурка.

— Все собаки! Всё обобрали! Мамед не успел. Одна дрянь осталась Мамеду.

Он рассказал, что за речкой Келасури упал подбитый немецкий самолёт и не взорвался. Мамед побежал туда. Думал поживиться. Но кто-то успел раньше. Лётчиков раздели. Срезали кожу с сидений.

— Даже покрышки с колёс унесли, — жаловался Мамед. — У, плохие люди! Мне только эту дрянь оставили. Кто её купит? Думал парашют добыть. Сколько шёлка! Всё пропало!

Мамед чуть не плакал.

— Мы купим, — сказал Костик.

— Вы? — Мамед оглядел ребят и захохотал снова. — Хо-хо-хо!

— На что? На фантики? Хо-хо-хо!

— Вот! — Шурка протянул смятые бумажки.

Мамед замолчал. Пересчитал деньги.

— Мало, — сказал он. — Это очень хорошая вещь. Из неё плащ сшить можно. Триста рублей стоит.

Мальчишки переглянулись, разочарованные.

— У нас только сто шесть, — сказал Толька.

— Сто шесть?

Мамед задумался. Потом махнул рукой.

— Э, ладно! Мамед добрый. Давай сто шесть. Остальное отработаете.

Костик стал торопливо высыпать мелочь из карманов на рогожу.

— На паперти собирали? — ехидно спросил Мамед и тщательно пересчитал деньги.

Шурка потянул к себе лодку.

— Нет, сперва отработаете, — сказал Мамед.

— А как? — спросил Шурка.

— Вот, держите. — Мамед протянул большую коробку из-под папиросных гильз. — Принесёте три коробки табаку, — лодка ваша.

— А где ж мы его возьмём? — спросил Костик.

— В окурках, — ответил Мамед и равнодушно отвернулся.

МЕСТЬ „КУПЦУ“

Коробка была здоровенная. Через три дня мальчишки знали все марки папирос. Они издали определяли, какой это окурочек — «Пушка», «Эшери» или «Наша марка». Они пропахли табаком с ног до головы.

Ночью Костику снились окурки. А коробка всё не наполнялась. Ещё хорошо, что последнюю неделю не было бомбёжек. Видно, немцы решили, что бомбить больше нечего.

Только через пять дней ребята принесли Мамеду полную коробку.

Мамед сидел на крыльце в рваной майке и набивал гильзы табаком.

— Принесли? Молодцы! — сказал он. Высыпал табак на газету.

— А пепел зачем? Чтобы больше так не было! Только табак.

— А когда лодку дашь? — спросил Шурка.

— Ещё три коробки принесёте — тогда.

— Три? Ты же сказал, всего три. Две осталось.

— Две? Ух, продешевил Мамед! Все его обманывают. Даже такие сопляки. Це, це, це, — зацокал он языком.

Мальчишки ушли.

Дальше дело пошло лучше. Во дворе табачной фабрики, где работал Толькин отец, лежали ярко-жёлтые кучи табачной пыли. Отходы. Костик взял дома сито, и ребята стали просеивать эту пыль. На дне сита оставалось немного табаку.

Но эта работа тоже была не мёд. От табачной пыли щекотало в носу, першило в горле, а слюна становилась горькой и жёлтой, как хина.

Коробку набрали быстро.

— Если ты нам дашь лодку сейчас, мы тебе принесём коробку и ещё полкоробки, — соблазнял Мамеда Костик.

— Обманете? — недоверчиво спросил Мамед.

— Честное пионерское, не обманем! — горячо уговаривали мальчишки.

Мамед оскалил зубы. Усмехнулся.

— Ха! Пионерское, говорите? Скоро никаких пионе-

ров не будет. Немцы уже на Псху. На перевале. Скоро здесь будут.

Он радостно потёр руки.

— Мамед лавку откроет. Купцом будет.

Он пошёл в дом насыпать табак. Мальчишки задохнулись от негодования.

— Ох и гад! — пробормотал Шурка. — Вот гад! Немцев ждёт!

— Не дождётся, — отрезал Костик.

— А если правда придут? — испуганно спросил Толька.

— Придут, придут! Не может быть! — закричал Шурка. — В партизаны пойдём. Мы им покажем. Оружие у нас есть. Три патрона — три фрица.

Он покраснел от злости. Мял в руках кепку.

Мамед вышел из дому. Вынес свёрнутую в пакет лодку.

— Берите. Но если обман будет, — на дне разыщу. Плохо будет.

Он стоял жирный, противный. Из-под шапки курчавились рыжие волосы. Молча, брезгливо, Костик взял лодку. Мальчишки даже не обрадовались. Понуро вышли со двора, побрели в свой «штаб».

То, что кто-то мог ждать немцев, так поразило их, что они шли молча, каждый думая о своём.

Костик вспомнил кожаные тапочки с белой полоской посередине, в которых стоял Мамед, и неожиданная мысль заставила его остановиться.

«Ведь это тапочки деда! Его домашние туфли», — подумал он и сказал:

— Ребята, это Мамед нас обворовал!

— Ну да?! Откуда ты знаешь? — спросил Толик.

Костик рассказал.

— Вот сволочь, — сквозь зубы проговорил Шурка.

— Что же с ним делать? Может быть, в милицию сообщить? — спросил Толька.

— А как докажешь? Вон сколько времени прошло!

— Мы сами! — Шурка сжал кулаки. — Мы его сами проучим, немецкую собаку. Я знаю как.

— Что мы ему сделаем? Он вон какой здоровенный, — уныло сказал Костик.

— Сделаем, — ответил Шурка. — Мы этого «купца» проучим.

И он рассказал свой план.

* * *

Пришлось опять просеивать табачную пыль. Надо было отнести табак Мамеду, чтобы всё высмотреть хорошенько.

Только принёс пачку папирос «Казбек». Он её взял дома у отца. Тайком, конечно. Это нехорошо. Но, чтобы отомстить Мамеду, всё было хорошо. Шурка разорвал папиросы, высыпал из них табак.

Мамед сразу заметил это. Табак из папирос сильно отличался от остального. Когда Мамед узнал, откуда этот табак, он разъярился:

— Дураки! Деревянные башки! — заорал он. — Такие папиросы испортил! Цены им нет!

И он так дёрнул Шурку за ухо, что надорвал его у самой мочки. Шурка завизжал от боли. Костик бросился на Мамеда. Ударил его кулаками в грудь, тут же получил здоровенную затрещину и полетел на землю. В глазах вспыхнули синие звёзды.

Мамед всё ещё крутил Шуркино ухо. Костик поднялся и снова кинулся. Вцепился в рваную майку. Она затрещала. Вдруг Мамед заорал и отпустил Шурку. Только, схвативший Мамеда за ногу, укусил его изо всех сил чуть повыше колена. Мамед запрыгал на одной ноге. Потом схватил суковатую самшитовую палку и погнался за мальчишками.

Но те уже успели выскочить за ворота и улепётывали со всех ног.

Всё, что надо, они высмотрели. Во дворе у забора стояла маленькая фанерная будочка — уборная. К ней от крыльца вела тропинка, протоптанная в бурьяне. В дальнем конце забора была выломана доска.

На следующий день Костик и Шурка встали рано-рано — в шесть часов. Когда они грызли чёрствый кукурузный хлеб с солёной хамсой, спрессованной в чёрный кирпич (её последнее время выдавали по карточкам вместо мяса), пришёл Толька.

Было прохладно. Пока добрались до Мамедова забора, вымочили брюки до колен. Роса была такая, что казалось, идёшь по воде.

Весь город ещё спал.

Тихонько, стараясь не шуметь, пролезли через дыру в заборе во двор. Огляделись. Тишина. Мамед тоже спал.

Волоча две толстые, длинные палки, принесённые с собой, подошли к уборной.

Всё оказалось гораздо легче, чем они предполагали. Подсунув палки под переднюю стенку фанерной будочки, приподняли её. Подложили два кирпича. Потом Толик и Шурка взялись за два задних угла, а Костик — за середину дверцы и, осторожно толкая, переставили уборную за яму. Так что она оказалась как раз перед уборной.

Теперь надо было замаскировать яму. Выдернули из грядки тонкие палочки, обвитые вьющимися усами фасоли, положили их на яму. Получилась частая решётка. Надёргали бурьяна. Тщательно закрыли всё, втыкая кусты бурьяна в ячейки решётки. Вышло просто здорово.

Солнце уже повисло над морем. Роса немного высохла. Мальчишки вылезли через дыру, сели в кустах за забором.

— Никуда не пойдём, а то ещё пропустим, — сказал Шурка.

* * *

Время тянулось нестерпимо медленно. Где-то заорал петух. И сразу ему ответили ещё два.

— А может, его дома нет? — спросил Толик.

— Дома он. Я видел, как он пришёл вчера. Пьянящий, — сказал Костик.

И снова ожидание. Где-то капала вода. Кап-ка-а-п — будто тягучие минуты.

— Глядите, глядите, вышел, — торопливо пробормотал Шурка.

На крыльце показался Мамед. Зевая, почесал грудь под неизменной грязной майкой. Поёжился. И без того толстая его морда опухла от пьянства ещё больше. Глаза совсем заплаыли. «Зарубцевались», — подумал Костик.

Мамед постоял немного на крыльце, громко сплюнул и рысцой побежал к уборной. Мальчишки приникли к щелям, затаили дыхание.

Заметит или нет?

Вот он всё ближе, ближе. Руки в карманах. Под ноги не смотрит. Ближе, ближе...

Утреннюю тишину разорвал рёв. Какой-то даже нечеловеческий. Мамед с разбегу плюхнулся в выгребную яму. Он стоял там, не вынимая рук из карманов, по грудь в жидкой гадости.

Рожка у него была такая перепуганная и недоумевающая, что ребята не выдержали и захохотали.

Мамед слышал, завыл как волк и стал страшно ругаться, мешая русские слова с какими-то непонятными. Поднял руки и, разгребая ими вонючую жижу, затоптался на месте.

— Вот тебе немцы! Вот тебе лавка! Купец вонючий! — заорал Шурка.

„ЭМБА“

С разницей в один день пришли письма от Костикиной мамы и деда.

Мама писала, что у неё очень много работы. Днём и ночью. Письмо снова всё было выпачкано цензурой, что-то они там вымарывали. Ещё в письме было написано, что она выслала свой денежный аттестат. Бабушка очень обрадовалась.

Мама спрашивала, есть ли у Костика и у Шурки тетрадки и книги для нового учебного года. Пятый класс как-никак.

Смешно! Откуда им взяться? Давно уже все в школе писали на самодельных тетрадках из обёрточной бумаги. Толстый рулон её лежал в вестибюле, рядом с гардеробом.

Дед, как всегда, шутил. Он писал, что немцы боятся его трубы, как огня. Скоро все лопнут от страха, и тогда война кончится.

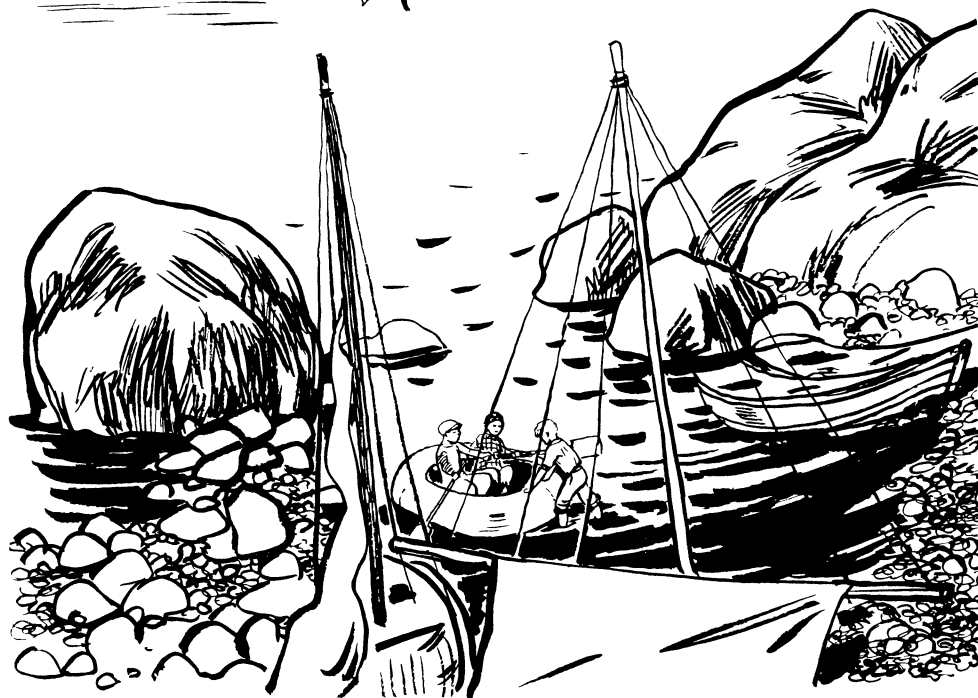
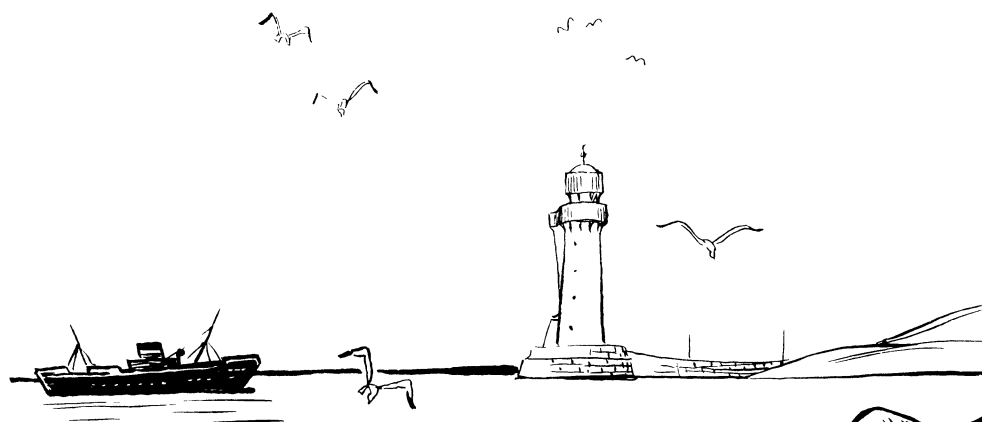
Шурке было грустно. Он письма не получил.

* * *

В поход на «Эмбу» собирались тщательно. Достали хлеба и яблок. Яблоки нарвали в саду у Бабаджана. Хорошие яблоки. Сладкие. А бабушка очень рассердилась. Сказала, что выпорот. Но это она так. Она добрая. Только принёс большой кусок мяса. Вытащил его из борща. И боялся. Вот его-то могут выпороть, если узнают. У Шурки оттопыривалась на боку рубаха. Там скрывалось самое главное — ракетница.

На берегу никого не было. Насос качал прекрасно. Лодку надули за полчаса. В широких петлях торчали лопаточки-вёсла.

Костик сел на мягкое дно. Взял вёсла. Шурка уселся впереди, Толик сзади. Поплыли.

Солнце огненной каплей висело в самом центре неба и пекло всюду. Грести было трудно: лодка крутилась в разные стороны. Руки у Костика занемели, глаза заливал горячий пот. Из-за Шуркиной спины Костик ничего не видел. Шурка болтал ногами в воде и командовал:

— Право руля! Лево руля!

Когда лодка вошла в тень высокого борта, Костик очень удивился: ему казалось, что они совсем не двигались с места.

«Эмба» нависла грудой искореженного металла, обрывками тросов, какими-то скрученными трубками и балками. А издали она казалась целёхонькой.

Прямо на лодке въехали в громадную пробоину в борту. Толстые рваные листы железа загибались наружу. Щетинились заклёпками. Лодку привязали к какому-то ржавому пруту.

— Приехали, — громко сказал Шурка.

«...ехали, ехали...» — гулко забормотало в ответ нутро корабля.

Мальчишки испуганно притихли.

Пахло сыростью. Было тихо-тихо. Только где-то плескалась вода и гулко падали редкие капли.

От этого тишина становилась ещё глубже. И казалось, что кто-то невидимый притаился и наблюдает.

По крутой металлической лестнице осторожно полезли наверх. В зеленоватом полумраке извивались толстые, рыжие от ржавчины трубы. Лестница тихонько гудела под ногами. Вдруг где-то резко скрипнуло.

«Бу, бу, бу», — пробормотала тишина.

— Здесь кто-то есть, — тихо, одними губами прошептал Шурка. И от этой тишины, от округлившихся внимательных глаз Шурки и Тольки у Костика мурашки по спине забегали.

Шурка вынул ракетницу. Мягко щёлкнул взведённый курок.

Ещё несколько шагов вверх, поворот... и на мальчи-

шек хлынул яркий, густой, почти осязаемый солнечный свет. Бегом они выскочили на палубу. И сразу стало нестрашно.

— Ура! — закричал Костик, и все примолкли, подождали, но никто не ответил — эхо молчало.

— Ура! — снова заорал Костик. — Я капитан! Слушай мою команду! Поднять якоря! Уходим в поход!

— Нет, я капитан! — закричал Шурка.

— Почему ты? — спросил Толик. — Давай жребий!

Оторвали от газеты, в которую был завернут хлеб, три кусочка бумаги. На одном клочке Шурка ногтем выдавил крест.

Скомканные бумажки бросили в Толькину тюбетейку, перемешали.

Каждый взял по бумажке. Капитаном оказался Толька.

Он сразу стал очень важным. Отобрал у Шурки ракетницу, сунул её за пояс.

— Ещё посмотрим, что за коробку вы мне подсунули, — нахально заявил он, заложил руки за спину и прошёлся по палубе. Но скоро его важность улетучилась. Все трое носились по палубе, орали, прыгали. Всё вокруг было так интересно, так необычно, что они не знали, куда забежать, заглянуть, влезть. Хотелось всё увидеть сразу.

Надстройки были иссечены пулемётными очередями. Стёкла выбиты. В капитанской рубке блестело полированными ручками штурвальное колесо. А рядом стоял машинный телеграф, на котором было написано: самый полный, тихий, задний ход. Штурвал не крутился. От компаса осталась одна подставка. А может быть, и не от компаса. Но это было совершенно не важно.

Сквозь широкий оконный проём рубки была видна вся палуба и море.

Толик встал к телеграфу, Шурка вцепился в штурвал, а Костик смотрел в кулаки, как в бинокль.

Это был их корабль. Весь. От носа до кормы.

На палубе торчали щепки, отколотые пулями.

Это был боевой, заслуженный корабль, побывавший во всяких переделках. На нём плавали храбрые люди. Он видел разные страны. Тропики и льды. Тихий океан и Атлантический. Он воевал и не сдался. Не захотел утонуть и не утонул.

А сейчас он плыл далеко-далеко, и вели его три смелых человека: Толька, Костик и Шурка.

Корабль бесшумно резал маслянистые волны, и капитан Толька отдавал негромкие команды. Они плыли в неведомые края. Где-то там, в этих краях, были коралловые острова. Где-то там был Южный Крест и ревущие сороковые широты. Там не было войны, а только яркое солнце и синее море.

Мальчишки переглянулись, увидели сияющие глаза друг друга и смутились.

Толька отвернулся и негромко буркнул:

— Коробка ничего себе. Принимаю командование.

А Шурка треснул его по спине.

* * *

Обедали в каюте второго помощника капитана. Так было написано на стеклянной табличке, привинченной к двери. В каюте сохранились два плетёных кресла и жёсткая деревянная койка. Шурка сказал, что она называется рундук.

Мясо разорвали руками на три равных части и аппетитно чамкали.

— Вот бы построить корабль, весь прозрачный, как стекло, — говорил Шурка. — Сидишь на палубе, а под тобой всё дно как на ладони. Вдруг фашистская подлодка! Плывёт себе, ничего не видит. А мы её — цап! Такими специальными щипцами, к носу приделанными. И, как орех, — щёлк! И раздавили! И дальше плывём.

А нас никто не видит. Ни с воздуха, ни с моря. Мы прозрачные.

— И башка у Шурки прозрачная, и всё, а сам он на бутылку похож. И на пузе этикетка, — сказал Толик.

— Сам ты этикетка, — обиделся Шурка.

Костик рассматривал приклеенную к стене фотографию. Заметно было, что её пытались осторожно отклеить, но, видно, ничего не вышло — только надорвали уголки.

С фотографии смотрела на Костика худенькая девочка. Она смотрела очень серьёзно и даже немножко обиженно. Может быть, ей было обидно, что её забыли одну на этом полузатонувшем корабле.

На носу у девочки были разбросаны редкие крупные веснушки, а уголки рта чуть опущены. Костику даже показалось, что она сейчас заплачет.

Вообще-то Костик недолюбливал девчонок.

Когда он учился в третьем классе, в их школу поступила новенькая. Её звали Хельви Румберг. Она была эстонкой. Беленькая, краснощёкая.

Её посадили перед Костиком. В первый же день он обмакнул её косу в чернильницу. Она не заплакала, а повернулась и больно треснула его пеналом по голове. Весь класс смеялся, и Хельви тоже. Потом он провожал её домой и нёс её портфель. Несколько раз.

Она рассказывала ему про прекрасный город Таллин. И про Старого Томаса. Это такой жестяной человек. Он стоит на высокой узкой крыше и сторожит город.

Однажды, когда они шли домой, их окружили мальчишки из четвёртого класса.

— Тили-тили-тесто! Жених и невеста! — кричали они и подпрыгивали.

Костик и Хельви хотели обойти мальчишек, но те окружили их и не пропускали. Костик взял Хельви за

руку и пошёл на них, но Хельви вдруг заплакала, вырвала руку и закричала:

— Ты дурак! Дурак!

Она оттолкнула Костика и убежала. Будто он был виноват. И перестала с ним разговаривать. Он несколько раз подходил к ней. Ему хотелось, чтобы Хельви ещё рассказала про город Таллин. Но она каждый раз отворачивалась и убегала. А когда смотрела на него, то смотрела так, будто он её враг.

Тогда Костик и Толька подстерegli её после уроков, схватили и отрезали ножницами косу. Еле отстригли, — коса была толстая.

А потом три дня не приходили в школу. Боялись.

Хельви перевели в другую школу, а её мама пришла к Костикиной маме и всё рассказала. Она сказала, что Костик хулиган. Ему тогда здорово попало дома. И в школе тоже. Водили к директору. Он тоже сказал, что Костик хулиган, и хотел исключить его из школы.

Эта девчонка на фотокарточке была совсем не похожа на Хельви. А может быть, и похожа. Все девчонки похожи. Костик смотрел на неё и думал: зачем он тогда отрезал красивую косу Хельви? Просто так. От обиды, наверно.

Косу они потом выбросили в речку. Вместе с бантом.

Через неделю — первое сентября. Костик соскучился по школе, по своей парте, на которой была вырезана большая буква «К».

Имма Григорьевич обещал съездить всем классом в ту крепость, где они были с Шуркой. Называется она крепостью Баграта. Оказывается, она очень древняя. Её построили горные люди — сваны. Костик видел их. Они иногда спускались в город. Высокие, светлоглазые, в круглых войлочных шапочках и чёрных бурках.

Имма Григорьевич говорил, что сваны ведут свой род от рыцарей-крестоносцев.

Сколько всякого на свете! Когда немцев разобьют и

война кончится и когда Костик вырастет, он будет моряком. Объедет весь земной шар, всё увидит. Вместе с Шуркой и Толиком. Это дело решённое.

Девчонка на стене подпрыгнула. Что-то заскрежета-ло и грохнуло.

— Налёт! — крикнул Толька.

Мальчишки выскочили на палубу. Солнце висело над самой водой.

В небе закружились четыре самолёта. Три немецких и один наш. Стреляли зенитки. Наш был маленький и юркий. И-16 — ишачок. Он вертелся вокруг тех трёх и стрелял. А они стреляли в него. «Трое на одного, гады. Как всегда», — подумал Костик.

У борта упали две бомбы. В море. Потом один немец загорелся и тоже упал. За маячной косой.

А наш ястребок спустился низко-низко, покачал крыльями и улетел. Наверно, у него кончилось горючее. Или что-нибудь случилось.

Тогда немцы перестали бомбить порт и закружились над маяком. Там зениток почти не было. Немцы не торопясь снизились и сбросили бомбы. Над маяком поднялось облако пыли. А когда оно рассеялось, маяка не было. И самолётов не было. И солнца тоже. Стало темно.

Заночевали на «Эмбе». Летом на юге не бывает сумерек. Пока светит солнце, — день, а потом сразу ночь. Тёмная, мохнатая и тёплая.

Затемнённый берег притаился где-то вдали. Спускаться по узкой, искорёженной, без перил лестнице, разыскивать внизу, среди рваного железа, лодку было глупо. Запросто можно было сорваться и свернуть шею.

Мальчишки знали, что дома им достанется. Чего только не передумают бабушка и Толькины родители. Наверно, решат, что они погибли в бомбёжке.

Эта мысль, высказанная Толькой, так испугала ребят, что они даже не разговаривали. Молча сидели в каюте

второго помощника, в плотной, душноватой темноте и думали.

Шурка прилёг на рундук. Костик и Толька свернулись калачиками в креслах. А потом Шурка засопел, тоненько присвистнул носом и уснул. Уснули и остальные.

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Сквозь сон Костик почувствовал, что кто-то осторожно тянет его за штанину. Ещё не проснувшись окончательно, он резко приподнялся в кресле. В темноте с трудом разглядел Шурку. Тот сидел на корточках, приложив палец к губам.

Костик собрался лечь, но Шурка снова сердито дёрнул его за штаны и поманил рукой.

И тут Костик услышал. Просто удивительно, как он мог не слышать этого раньше!

Кто-то ходил по палубе.

Шаги были чёткие, уверенные. Они монотонно и гулко бухали, то удаляясь, то вновь приближаясь. Кто-то неторопливо разгуливал из конца в конец палубы.

Вдвоём разбудили Толика. Он никак не мог проснуться и отталкивал их. Вдруг он завертел головой и в полный голос заявил:

— Ведь там кто-то ходит!

Шаги сразу замерли.

— Умница! — Шурка свирепо толкнул Толика в бок.

Мальчишки притихли, напряжённо прислушиваясь. Шагов не было. Костик дотронулся до Шуркиного плеча, и ему показалось, что оно дрожит. Мальчишки забились в угол, тесно прижались друг к другу.

— Хо-о-лодно, — прошептал Шурка.

Костик удивлённо пожал плечами — ему было жарко. «Эмбу» плотно обволокла тугая, звенящая от напряжения тишина.

Костик так старательно прислушивался, что ему показалось, будто уши зашевелились. Как у собаки.

Вдруг тупой, гулкий звук разрушил эту неестественную тишину. Что-то деревянное ударилось о корпус «Эмбы», и развороченный пустой корабль загудел, как камертон, постепенно стихая. Затем послышались негромкие голоса. Разобрать можно было только одинаковые звуки: «бу, бу, бу, бу». Будто разговаривали в воде.

— Кто-то на лодке подъехал, — прошептал Толик; в опущенной руке он держал ракетницу.

— Умница, капитан, — отозвался Шурка.

Послышался какой-то скрежет, тихий гул и потом снова шаги, но шли уже двое.

— Посмотрим? — прошептал Костик.

Шурка и Толик кивнули.

— Только осторожно. Чтоб ни звука, — погрозил кулаком Шурка.

Пробрались к крутому трапу, ведущему на палубу у левого борта. Босые ноги осторожно нащупывали ступеньки.

На палубе было гораздо светлее. Расплющенная жёлтая луна висела прямо по носу «Эмбы». Свет был жидкий, неестественный, какой-то неживой. Надстройки отбрасывали резкие густо-чёрные тени.

Мальчишки скользнули в полукруглую тень от трубы — будто нырнули в чернила.

Осторожно огибая трубу, стараясь не выходить из тени, они пробрались к правому борту и сразу же отпрянули назад.

То, что они увидели, было так неожиданно, так невероятно, что Костик незаметно ущипнул себя за ногу: прямо перед ними, на каком-то возвышении, сидели Мамед и Беспалый.

— Зачем здесь прятал? Другой места нет, что ли? — говорил Мамед.

— Молчи, азиат. О твоей же шкуре забочусь, — пронзительным своим голосом ответил Беспалый. — Здесь ни одна собака не найдёт.

Он оскалил в улыбке зубы, легонько толкнул Мамеда плечом и тут же, сморщившись, отодвинулся.

— Чего это от тебя дохлятиной несёт? Ну и запашок!

— У, шайтан, убью! — прошипел Мамед с такой звериной злобой, что Беспалый отпрянул и резко сунул руку в карман.

— Ну, ну! Не балуй.

Мамед сразу сник, даже съёжился весь и испуганно залопотал:

— Что ты, дорогой, что ты! Не тебя. Совсем нет. Не тебя.

— Ну, то-то! — медленно промолвил Беспалый и вынул руку из кармана. Он помолчал, потом заговорил:

— Ну ладно, болтать мне некогда. Давай о деле. Слушай меня внимательно, азиат: чтобы завтра же товара в твоём доме не было. Понял? Ещё вот что: мне нужны деньги, доставай где хочешь. Деньги приготовь покрупнее — сотнями. Ты меня понял?

Мамед, не переставая, кивал головой. Только когда Беспалый упомянул о деньгах, он скривился и хотел возразить. Но Беспалый так на него посмотрел, что Мамед только вздохнул и снова закивал.

Беспалый встал и пошёл на корму. На ходу бросил Мамеду:

— Сиди тут. За мной не ходи.

Мамед проводил его взглядом и облегчённо вздохнул. Потёр руки.

— Что будем делать? — еле слышно прошелестел Толька.

Костик стоял, сжимая в руках какой-то металлический прут, подобранный на палубе. Мысли были чёткие и ясные. Он понимал, что они влипли в историю — хуже не придумаешь. Малейшая неосторожность, их заметят, и тогда... Жутко подумать. Такие типы цацкаться не станут. Бр-р-р! Костик передёрнул плечами. Но об этом лучше не думать. И он сказал:

— Теперь он от нас не уйдёт. За ночь не успеет спрятать. Дай-ка мне ракетницу.

Только безропотно отдал. Горячая рубчатая рукоятка плотно влипла в ладонь, и Костик сразу почувствовал себя увереннее.

Наверное, он шептал слишком громко, потому что Мамед повернул голову и привстал.

— Если заметят, бежать в разные стороны, — торопливо приказал Костик, — я буду стрелять прямо в лицо, прыгнем в воду, заплывём в пробоины, там не поймают.

Мамед встал и медленно пошёл в их сторону. Мальчишки попятились.

Раздался пронзительный скрип. Мамед вздрогнул и завертелся на месте.

Притаившись в тени, мальчишки видели, как он стоит, — толстогубый, обрюзгший и такой перепуганный, что Костик улыбнулся.

«Трус проклятый, — подумал он. — Боишься, трус проклятый!»

Кряхтя, подошёл Беспалый. В руках он держал длинный узкий ящик. Ящик, видно, был не лёгонький — на лбу Беспалого вздулась толстая жила. Он натужно дышал. Ящик был точь-в-точь такой, как в крепости.

— Скорей давай, скорей, — заторопился Мамед, — здесь кто-то есть. Кто-то ходит, понимаешь.

— Страх твой ходит, балда. Это же я шёл, — ответил Беспалый, но медлить не стал. Быстро вытащил из кармана верёвку, обвязал ящик. Мамед прогрохотал сапогами

по трапу вниз. Беспалый осторожно перевалил ящик через борт и стал опускать.

— Ты только в свою лодку принимай, а то со страху перепутаешь, — прохрипел он.

Слышно было, как ящик стукнулся о дно лодки. Беспалый огляделся — не забыл ли чего, — потом отвязал верёвку и стал спускаться.

— Теперь быстро, — сказал Шурка, — как только отплывут немного, — мы за ними. Только надо наискосок. А то увидят. Мы с Костиком пойдём за Беспалым: надо узнать, где он живёт. Ты, Толя, побежишь к чалдонам, всё расскажешь.

— Хорошо, что лодку завели в пробоину, а то была бы нам крышка, — сказал Толик, — Мамед бы её сразу узнал.

— Ты погоди радоваться, они ещё здесь, — ответил Костик.

Мальчишки ползком подобрались к борту, осторожно свесили головы. Лодок в густой тени почти не было видно, да к тому же и луна на минуту спряталась. Было слышно, как вставляют в уключины вёсла.

Вдруг Толька поднял голову:

— Слышите, ребята?

— Что?

— Послушайте.

Костик прислушался. Ему показалось, что где-то далеко работает мотор. Звук то появлялся, то совсем затихал.

Очевидно, в лодках тоже слышали. Там засуетились, резко оттолкнулись и стали бешено грести к берегу.

— Где-то катер ходит. Это пограничники. Стреляй, Костик, стреляй скорей! — прошептал Толька.

Костик посмотрел на ребят, потом на ракетницу.

«Вот оно, — подумал он, — вот когда она пригодилась. Теперь всё решится».

Он вскинул руку и нажал курок. Над ухом грохнуло, зашипело и, оставляя дымный след, ракета ушла в небо, вспыхнула там багровой звездой.

На мгновение она ярко осветила море, «Эмбу» и две чёрные лодки.

В лодках от неожиданности перестали грести. Ребятам показалось, что они сейчас повернут назад.

Тогда всё. Пощады не будет. Но через секунду Беспалый и Мамед ещё яростнее налегли на вёсла.

— Удирают, гляди, удирают! Боятся! Они ведь нас боятся! — завопил Шурка. — Стреляй ещё, Костик, стреляй!

Костик перезарядил ракетницу.

— Дай мне, — попросил Шурка.

Моторы теперь были отчётливо слышны, звук их стремительно приближался.

Зелёная ракета выхватила из темноты отставшую лодку Мамеда. Беспалый сильно вырвался вперёд.

— Уйдёт, гад, — пробормотал Костик.

От возбуждения он пританцовывал на месте. Руки так сжались в кулаки, что ногти впились в ладони.

Ракета с шипеньем врезалась в воду. Шурка передал ракетницу Толику. И снова всё вокруг стало зловеще-зелёным. Закачались чёрные тени лодок. Ярко блеснуло Мамедово весло. Ракета погасла.

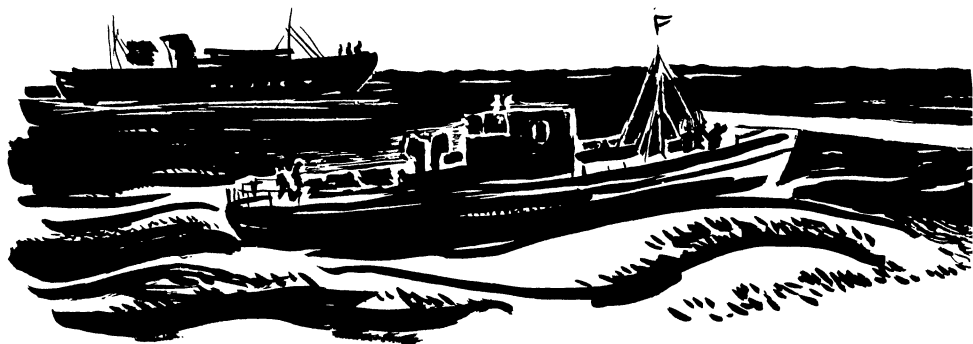
И в тот же миг ночь рассек надвое луч прожектора.

Узкий, голубоватый, он, как громадный палец, пошевелился, качнулся влево, вправо и уткнулся в лодку Мамеда.

Моторы взревели совсем рядом, и наперерез лодкам, приседая кормой на высокий бурун, вылетел пограничный катер — морской охотник.

Мамед бросил вёсла и медленно поднял руки.

Катер подошёл к нему, замер на миг и тут же рванулся дальше, держа в луче прожектора Беспалого. Мамеда в лодке уже не было. Беспалый грёб изо всех сил, но,

по сравнению со стремительно летящим катером, казалось, что он стоит на месте.

Неожиданно он бросил вёсла, вскочил и выстрелил два раза. Прожектор погас.

Катер, не снижая скорости, нёсся вперёд. Вспыхнул прожектор поменьше. В его слабом жёлтом свете лодка с Беспалым виднелась расплывчато, сливаясь с волнами.

Казалось, ещё немного — и катер перережет острым носом лёгкую лодку.

Беспалый прыгнул в воду.

И тут же, резко погасив скорость, описав плавную дугу, катер подошёл к нему.

Снова вышла луна. Было видно, как два матроса, перегнувшись через борт, втащили Беспалого и поволокли, как мешок.

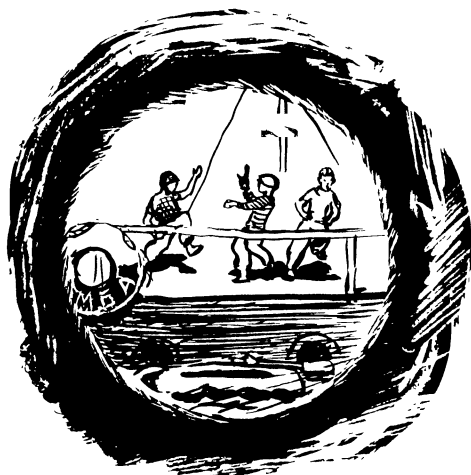
— Вот это да! — восхищённо сказал Толька. — Вот это работа!

— Здорово! — подтвердил Костик.

Они прыгали по палубе и орали от переполнявшего их восторга.

Ещё десять минут назад мальчишкам казалось, что они одни в этой ночи, одни против двух негодяев, против двух сильных и жестоких врагов.

И ребята приготовились ко всему. Что говорить, им было страшно. Но просто так, за здорово живёшь, они бы не сдались. Уж это точно. Они приготовились драться. Эта ночь была для них экзаменом, испытанием на звание Человека. Это ничего, что они ещё мальчишки. Тут уж дело не в возрасте. У каждого человека бывает в жизни момент, когда он должен держать ответ перед самим собой. Они выдержали испытание.

Вряд ли они понимали это до конца и уж, конечно, так они не думали об этом. Просто они приготовились драться.

Они точно знали, что могут надеяться только на себя.

И вдруг всё перевернулось. Больше не надо ждать беды. Некого бояться.

Мальчишки орали что-то непонятное, орали просто так, потому что молчать было никак невозможно.

* * *

Катер развернулся и на малой скорости подошёл к «Эмбе».

Слабый желтоватый луч прожектора скользнул по надстройкам, пополз по палубе и, осветив мальчишек, остановился.

Со стороны это, наверное, было странное зрелище: на искорёженном, полузатопленном корабле, ночью, далеко от берега, подпрыгивали, размахивали руками три маленькие фигурки, будто исполняя какой-то неведо-

мый дикарский танец. При этом они ещё и вопили во всё горло.

Было чему удивиться морякам.

— Эй, на «Эмбе»! Живо на катер! — прогремел над морем усиленный мегафоном строгий голос.

— Мы сейчас! Погодите! Только лодку отвяжем, — закричал Шурка.

Мальчишки ссыпались по трапу вниз. Очевидно, прожектор направили прямо в пробоину — внутри корабля стало светло.

Без труда отыскивали лодку. Уселись, чуть не перевернув её в спешке. Им всё казалось, что катер не дожждётся и уйдёт.

Но их ждали.

Катер плавно покачивался метрах в десяти от «Эмбы». На борту толпились моряки.

Не успели мальчишки пристать, как сразу несколько рук вцепились в каждого, бережно перенесли вместе с лодкой через леера и поставили на палубу.

Их провели по крутому короткому трапу вниз, в ярко освещённый небольшой кубрик с низким потолком.

За узким столом сидел до черноты загорелый лейтенант. Он строго глядел на мальчишек и молчал. Глаза у него были светлые и беспощадные.

Ребятам стало не по себе.

Моряков набивалось в кубрик всё больше. Они молча, с любопытством разглядывали гостей.

— Ну? — сказал лейтенант. — Выкладывайте.

Толик проворно выхватил ракетницу из-за пояса и спрятал за пазуху. Матросы засмеялись.

Костик тоже улыбнулся.

— Ты погоди улыбаться. Выкладывайте, кто такие, как на «Эмбу» попали, откуда ракетница. Всё без утайки.

— Вы только скажите: ящик взяли? — спросил Шурка.

— Взяли, — ответил лейтенант, — а вы, оказывается, в курсе всех дел. Интересно. Так я слушаю.

Мальчишки стали рассказывать. Говорил вообще-то Костик, а Шурка и Толик помогали.

Лейтенант очень заинтересовался ящиком, который Костик и Шурка видели в первый раз, в крепости.

— Да это, наверное, тот же, что вы в лодке взяли. Уж очень похож, — сказал Шурка.

— Похож, говоришь? — спросил лейтенант. — Это, брат, очень важно. Ты даже не представляешь, как это важно. Они ведь к гидростанции подбирались, мерзавцы.

Костику нравилось, что с ними говорят серьезно, как с равными.

Когда Костик рассказал про барахолку, матросы оживились и даже лейтенант улыбнулся.

Чем дальше рассказывали мальчишки, тем больше моряки веселились.

Скоро в кубрике стоял такой хохот, что Костик замолчал.

Командир пытался унять матросов, но потом махнул рукой. Он сам хохотал вместе со всеми.

— Ах вы, черти! Ах, авантюристы, — приговаривал он. — А я-то думал, чего это он такой вонючий? Думал, с ним от страха грех случился. А это, оказывается, вы его выкупали.

Матросы постепенно утихали. И когда Костик рассказал о сегодняшней ночи на «Эмбе», в кубрике стало совсем тихо.

Только слышны были мягкие толчки моторов.

— Да, дорогие вы мои пацаны, — сказал командир, — из весёленькой истории вы выпутались. Это зверье ни перед чем не остановилось бы. Тем более, что вы успели обоим насолить.

Он помолчал, взъерошил Шурке волосы.

— Однако вы молодцы. Не струсили.

Он долго смотрел на них. Серьёзно, с уважением. И очень хорошо улыбался.

Мальчишки сидели опустив головы, пунцовые от смущения и такие счастливые, какими ещё не бывали никогда в жизни.

— А что же в ящике было? — спросил Толик.

— В ящике? Колесов, покажи им, что́ было в ящике, — сказал командир.

Низенький матрос выскочил за дверь и принёс небольшой желтоватый брусок. Ребята недоумённо повертели его в руках. Очень похоже на мыло.

— Значит, никакие они не шпионы, просто спекулянты, — разочарованно сказал Костик. — Это же мыло!

Моряки засмеялись.

— Да, брат, если это мыло подложить под гидростанцию и рвануть, как, очевидно, хотели сделать эти два типа, — полетят клочки во все стороны. Это взрывчатка, тол. Такими штуками не спекулируют.

— А Мамед-то! Руки задрал как миленький. И не пикнул, — засмеялся Шурка.

— А этот Беспалый, видно, ещё та птица! Правда? — спросил Толик.

— Правда, — сказал командир. Он снова стал серьёзным и строгим. — А теперь, ребята, спать. Угостить гостей шоколадом, — приказал он.

Мальчишкам вручили по целой плитке шоколада. Это было изумительно — откусывать толстый кусок и чувствовать, как он тает во рту. Вкуснотища такая, что и сказать нельзя.

Их снова вывели на палубу. Море тускло поблёскивало, дрожала на воде лунная дорожка, было прохладно.

Катер, подрагивая, как живой, на полном ходу шёл в ночь. Морской охотник был в дозоре.

У круглых бочонков глубинных бомб мальчишки увидели Мамеда и Беспалого.

Те лежали на палубе, как два серых мешка, связанные и обезвреженные.

Когда ребята проходили мимо, Мамед поднял голову, громко скрипнул зубами и отвернулся.

Беспалый лежал лицом вниз, под ним расплывалась тёмная лужа. Мокрая одежда топорщилась бугристыми складками.

Костику вдруг показалось, что это не человек, а огромная пупырчатая жаба.

Он брезгливо передёрнулся, аккуратно обошёл лужу и спустился вслед за Шуркой и Толиком в маленькую каютку.

— Покойной ночи, ребята, — ласково сказал проводивший их матрос и ушёл.

Не успел Костик прилечь, как почувствовал громадную усталость, будто он долго и тяжело работал.

Глаза сами закрывались.

Как обычно, первым уснул Шурка. Уснули и Толька с Костиком.

ПО ГОРОДУ ШЛИ ТРИ ЧЕЛОВЕКА

Костик проснулся от яркого солнечного луча, упёршегося ему прямо в переносицу. Из иллюминатора тянуло солоноватой прохладой.

Утром ночные страхи кажутся смешными. По утрам люди храбрее.

«Бабушка, наверное, весь город обегала. Ох, и выпорот она нас, — подумал Костик. — А может быть, и обойдётся, — махнул он рукой. — Бабушка так обрадуется, что ей не до этого будет».

Он вдруг остро почувствовал, как хорошо и радостно жить на свете. Ясным прохладным утром иногда бывает

такое состояние: ждёшь чего-то небывалого, а чего — и сам не знаешь.

Костик разбудил Толика и Шурку. Они выбрались на палубу и сели, свесив ноги в люк. Катер стоял на рейде, медленно поворачивался вокруг рыжей от ржавчины причальной бочки. Справа виднелся спящий город. Солнце ещё касалось нижним своим румяным боком моря. Оно освещало белые кубики домов на берегу, окна вспыхивали, отбрасывали иголочки острых лучей.

Палуба была влажной от росы, и едва уловимо пахло смолистым деревом. Потом послышался скрип уключин и хриплые голоса. Мальчишки увидели две широкие просмоленные рыбацьи лодки — лайбы. Это возвращались с ночного лова рыбаки.

Бабушка говорила, что рыбоколхоз кормит весь город. На дне лайб матовым серебром поблёскивала хамса, виднелись жёлтые плоские камбалы.

Рыбаки устало гребли, опустив головы, медленно ворочали тяжёлыми вёслами. Старики и женщины.

— Всю ночь гребли, сети таскали, — сказал Толька.

— Говорят, подводные лодки обстреливают рыбаков. И в плен забирают, — сказал Шурка.

— А они всё равно каждую ночь выходят. Плевать они хотели на подлодки.

Костик пристально смотрел вслед удаляющимся лодкам.

— Они не боялись. А мы?

— Что мы? — спросил Шурка.

— Боялись.

— Да, — негромко сказал Шурка.

— А помнишь, Шурка: вжик! Вжик! — спросил Толька.

— Вжик! Вжик! — Шурка кивнул головой и улыбнулся.

Ребята расхохотались. Приятно смеяться над своими страхами. Приятно быть храбрыми.

— Ну, как, вояки, выпались? — слышался весёлый голос.

К мальчишкам подошёл матрос Колесов.

— Эх, вы, проспали всё на свете. Знакомых ваших давным-давно отправили, да ещё мы тут парочку подлодок утопили и дюжину шпионов поймали. Хотели вас разбудить, думали, не справимся, да пожалели. Очень уж вы сладко спали.

Мальчишки вежливо улыбнулись. Шутит человек — надо улыбнуться.

— Вы что же, не верите? — моряк засмеялся.

— Верим. Вы же не будете врать, — тихо сказал Толька.

Колесов смущённо кашлянул, потом сказал:

— А вы, я вижу, ребята такие — вам пальца в рот не клади, — он потрепал Тольку по плечу. — Ну ладно, пошли завтракать. А потом домой. Небось родители ночь не спали, вас, бродяг, разыскивали.

Ели давно позабытые и прекрасные вещи — борщ и котлеты. И в заключение, как чудесное завершение этой небывалой ночи, полной опасностей, тревог и радостей, на столе появился компот из чернослива.

Мальчишки еле поднялись из-за стола. Колесов притворно вздыхал и сокрушался:

— Ох, боюсь я — не выдержит ваш крейсер, потонет. Вы же теперь в два раза тяжелей стали.

Он заметил, что Толька выпустил рубаху наружу, чтобы прикрыть ракетницу, и сказал:

— Не прячь. Никто вашу пушку отбирать не собирается. Вы её честно заслужили. Только уж уговор: мы считаем, что вы ребята серьёзные, баловаться ракетами не станете. Не такое сейчас время.

— Да у нас и ракет нету больше. Все истратили, — грустно сказал Толька.

— Ну и хорошо. Меньше соблазна будет. Знаю я вашего брата, — ответил матрос.

Весело, с шутками моряки усадили мальчишек в надувную лодку.

— Не забывайте нас, ребята, приходите, — сказал на прощанье Колесов.

Он долго стоял на корме катера, следил за ними. Изредка поднимал руку. Мальчишки махали ему, пока не заломило плечи.

К берегу грёб Шурка, а Костик сидел на носу, болтал ногами в воде и командовал:

— Право руля! Лево руля!

Вода была такая прозрачная, что казалось, лодка висит в воздухе. И немножко кружилась голова от глубины.

* * *

Хорошо, когда под ногами хрустящие гольши. Держа под мышкой свёрнутую оранжевую лодку, как корку громадного апельсина, Толька поёжился, улыбнулся и сказал:

— Ох, и будет мне сегодня трёпка!

Шурка помахал велосипедным насосом:

— Вжик! Вжик! Выпорют капитана!

Толька подпрыгнул на одной ноге, толкнул его плечом:

— А стеклянного человека Шурку ждёт бабушка с ремнём. Вжик, вжик!

Мальчишки засмеялись и зашагали по пустынным утренним улицам.

Город был синий. От моря. От неба.

По городу шли три человека. И наплевать им было на бомбёжки, на завывающие самолёты с чёрными крестами на крыльях. Даже на ремень.

Солнце вставало на тоненьких золотых ногах. И город был синий. Мальчишкам было весело.

Занимался новый день.

По городу шли три счастливых человека. Год войны —

очень долгий год, самый большой в их ещё маленькой жизни, а может быть, и больше всей жизни.

Он многому научил их.

Они узнали такие вещи, которые не стоило бы знать ни одному мальчишке, ни одной девчонке на свете: страх, голод, жестокость. Но они узнали и другое: дружбу, доброту, отвагу.

Мальчишки шагали по гулким утренним улицам. Им хорошо было вместе. Вместе им легче и веселее жилось.

Три длинные косые тени, сливаясь, убегали в густую сочную траву.

Они шли навстречу большому жёлтому солнцу. Шли, касаясь друг друга плечами, — три человека, у которых всё впереди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Началась война	5
Море	7
Враг Шурка	9
Бомбёжка	11
Эвакуация	14
Единственный мужик	17
В древней крепости	21
Снова дома	28
Только идёт по следу	32
Новый учитель и город Диоскурия	40
Транспорт «Ялта»	43
Про акул и морских котов	50
Между небом и землёй жаворонок вьётся	53
Ловцы жемчуга	62
Шуркина идея	66
Барахолка	69
Мсть «купцу»	78
«Эмба»	84
Ночная встреча	92
По городу шли три человека	105

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Дворкин Илья Львович

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ УТРОМ

Ответственный редактор

А. А. Агапов.

Художник-редактор

В. В. Куприянов.

Технический редактор

Л. Б. Леонтьева.

Корректоры

К. Д. Немковская

и Л. К. Малявко.

Подписано к набору 8/II 1965 г.

Подписано к печати 10/V 1965 г.

Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19.

Уч.-изд. л. 5,25. Формат 70×90¹/₁₆.

Тираж 100 000 экз. ТП 1965 № 216.

Ленинградское отделение изда-

тельства «Детская литература».

Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.

Заказ № 541.

Фабрика «Детская книга» № 2

Росглавполиграфпрома Государ-

ственного комитета Совета Мини-

стров РСФСР по печати.

Ленинград, 2-я Советская, 7.

Цена 28 коп.

28 ноп.

